

Ольга Кот

БЕЛЫЙ ЗВЕРЬ
АЛИСЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Кот

Белый зверь Алисы

<https://litres.ru/74080008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — лигр.

Полукровка, в жилах которого рычит тигр, а в груди львиное сердце. Главный врач прайдов, министр здравоохранения мира оборотней. Спокоен, расчётлив и до безумия опасен. Всё под контролем. Всегда. До того момента, когда на носилках в его клинику приносят её — рыжеволосую девушку с запахом лета и крови.

Она — человек.

Слишком хрупкая, слишком упрямая, слишком настоящая. И с первого взгляда ломает его выстроенный до миллиметра мир. Теперь Макс лечит не пациентов — а себя. Потому что впервые в жизни не может решить, кто он: врач, зверь или мужчина, потерявший голову от своей истинной.

Содержание

Глава	4
Пролог.	6
Глава 1.	8
Глава 2.	13
Глава 3.	19
Глава 4.	28
Глава 5.	35
Глава 6.	43
Глава 7.	48
Глава 8.	55
Глава 9.	60
Глава 10.	67
Глава 11.	74
Глава 12.	81
Глава 13.	89
Глава 14.	96
Глава 15.	102
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ольга Кот

Белый зверь Алисы

Глава

Спасибо тем, кто верит в любовь, даже когда она рычит.

История происходит в мире Ирбис, но не относится к основному циклу. Здесь другие герои, другие судьбы, но та же кровь — и тот же ритм звериных сердец. Законы прайдов, шорох шкур под кожей, древние уставы охотников и тени, что шевелятся чуть за гранью света —, всё это остаётся.

Ты снова встретишь тех, кто стал родными: Кирилла, Илью и даже Сэма

Но теперь они лишь часть большого полотна, на котором появляется тот, кто так долго стоял за кадром. История Главного врача мира оборотней.

Лигр.

Тот, кто держал на плечах жизни, судьбы и весь порядок здравоохранения. И тот, кто клянётся, что всегда контролирует всё. Но в этой книге его ждёт встреча, способная разорвать этот контроль в клочья.

Потому что в его мир приходит Алиса — девушка с обычной жизнью, и сказками бабушки в голове И с прошлым, ко-

торое она никогда не считала настоящим.

А всё остальное — ты узнаешь сам.

Потому что история только открывает глаза.

Пролог.

Снежная метель у северной границы вела себя как живая. Казалось, ветер выл не от холода, а от тоски — будто сам мир чувствовал приближение чего-то неизбежного.

Я стоял на краю обледенелого карниза, не двигаясь. На плечах висела медицинская сумка, но сейчас она казалась бессмысленным атрибутом — не врача, а свидетеля. Белый мех на моих руках переливался под луной, почти светился, и даже буран не мог скрыть того, кто я есть.

Лигр. Редчайший из редких. Символ противоречия, в котором сошлись два мира — львиное достоинство и тигриная ярость.

Я вдыхал воздух и слышал запахи. Лёгкий след адреналина, терпкий — кофе, и сладковатый — жасмин.

Её запах.

Алиса.

Я понятия не имел, кто она и почему с первого взгляда нарушила мой идеально выверенный порядок. Просто знал — с той секунды, как она появилась в моей клинике, что-то внутри меня ожило.

Зверь под кожей поднял голову.

Я знал — не стоило позволять себе чувствовать. Не стоило смотреть на неё так, будто она единственное живое среди замерзшего мира.

Но уже было поздно.

Когда белый зверь открывает глаза — снег становится кровью.

Глава 1.

Алиса.

— Уже собираешься?

В комнату тихо заглянула бабушка. Как всегда — тёплый взгляд, мягкая улыбка.

Я машинально посмотрела на часы на прикроватной тумбе. Ровно 19:00.

— Да, пора, — выдохнула я, словно прощалась со своей кроватью до самого утра.

Ночная смена в сувенирной лавке никогда не была моей мечтой. Но платят хорошо, особенно нам, «совам». А я, как ни крути, любила деньги чуть-чуть сильнее, чем сон. Поэтому каждые две ночи ровняла ряды магнитиков, брелоки, статуэтки и прочие «приветы с Непала».

— Я беяши нажарила, — бабушка протянула мне контейнер, полный ароматного тепла. — Возьми. И сама поешь, и ребят угостишь.

— Спасибо, бабуль, — улыбнулась я и чмокнула её в мягкую щёчку.

Контейнер отправился в мой плюшевый рюкзак, который выглядел так, будто должен жить своей жизнью и проситься

на ручки. Я уже почти была готова — оставалось привести в порядок свои рыжие, как летний закат, волосы. Вытащила заколки, резинку, кое-как закрутила пучок и глянула в зеркало.

— И в кого ты у меня такая красавица — протянула бабушка, глядя на меня, как на что-то драгоценное.

— Как в кого? В тебя же! — искренне удивилась я.

— Ой, не болтай, — махнула она рукой, но улыбка всё равно осталась.

— Ладно, ба, я побежала, — ещё один быстрый поцелуй — и я оказалась в коридоре.

— Только позвони, когда дойдёшь! — грозно сказала она, но забота в глазах всё равно пересиливала строгость.

— Позвоню, обещаю.

Обула сапоги, натянула тёплый салатовый пуховик, который делал меня похожей на капустный лист, но зато спасал от ночного ветра. Перекинула рюкзак через плечо, в последний раз помахала бабушке — и вышла в темнеющую улицу, где уже пахло холодом и началом длинной ночи.

Благо работа была совсем рядом — буквально два дома пройти. Я шла быстрым шагом, шмыгая носом и щурясь от ледяного ветрища, который норовил снести меня вместе с рюкзаком. Снег колот лицо, будто кто-то рассыпал всю соль из солонки прямо в воздух.

Забежав внутрь магазинчика, я стряхнула снег с волос и пуховика.

— Привет, — поздоровалась я.

Энджи сидела на кассе — маленькая блондиночка с улыбкой, от которой хотелось обнять весь мир. У нас вообще коллектив чудо как хорош: дружный, шумный, иногда ругающийся но редко и по делу. Наверное, помогает то, что мы почти все одного возраста. Как любит говорить Карлос: «Кучка тридцатилеток, которые ничего не добились в жизни собрались здесь».

— Привет, — улыбнулась она. — Кира уже пришла.

Я кивнула и пошла в подсобку.

Комнатка там была крошечная: железные шкафчики, маленький столик у стены, лампа, которая иногда мигала, будто сообщая, что рядом призраки.

— Привет, — сказала я, заходя к Кире.

— Привет — пробормотала она, зарывшись в свою сумку так, будто искала там вход в Нарнию.

— Что потеряла?

Открыла шкафчик и начала переодеваться: пуховик на крючок, ботинки — в угол, кроссовки — на ноги. Футболку обычную сменила на фирменную с логотипом лавки.

— Чёрт, — прошипела Кира. — Забыла наушники. Опять! Как я работать буду!?

— А я тебе говорила: купи запасные и оставь здесь, — не удержалась от усмешки.

Память у Киры была как у золотой рыбки на выходных. Она забывала наушники чаще, чем я забывала ставить бу-

дильник.

— С зарплаты сразу куплю — протянула она, изображая вселенскую трагедию. — Карлос уже был?

— Не видела, — ответила я, поправляя свой небрежный пучок.

Я вернулась в зал. Энджи уже закрыла дверь и считала деньги в кассе — те самые, которые нельзя забрать домой, хотя мы бы точно знали, как ими распорядиться лучше.

— Алис, — подошла Мария, администратор дневной смены. — Выставите, пожалуйста, вот эту коробку. — Она указала на старую, пыльную коробку возле стеллажа. — Ей сто лет, если не больше.

— Хорошо.

— Всё, — вздохнула Энджи и легонько хлопнула ладонями. — Пост сдан — пост принят.

Мария забрала деньги и унесла их в сейф. Энджи пошла за ней, а я осталась ждать, когда Кира закончила крутиться в подсобке и когда наконец появится Карлос.

— Точно! — вспомнила я.

Достала телефон и позвонила бабушке. Она ответила сразу, будто стояла с телефоном у уха всю дорогу. Я послушно отчиталась, что дошла живой, здоровой и уже приступаю к работе.

Положив трубку, я повернулась к двери. Снаружи ветер ревел, как голодный зверь, и так мощно, что казалось, магазин сейчас сорвёт с фундамента и унесёт куда-нибудь в су-

гроб.

— Жуть, да? — подошла Кира, закутываясь в кофту. — Говорили, на неделе буран будет.

— Зима решила, что мы ей что-то должны, — поёжилась я.

— Всё, девочки, мы ушли, — Мария и Энджи направились к складу. — Выпустите нас через заднюю дверь.

Кира молча последовала за ними, а я осталась на кассе — и почему-то, как замороженная, смотрела на метель, которая билась в стекло так, будто хотела попасть внутрь.

В эту секунду я ещё не знала, что сейчас в эту бурю входит человек Точнее — тот, кого человеком назвать можно лишь с натяжкой.

И что моя жизнь вот-вот хрустнет, как тонкий лёд под сапогом.

Глава 2.

Алиса.

— Привет, девчонки.

В зал наконец-то зашёл Карлос — наш неутомимый администратор, вечный солнечный зайчик на двух ногах. Как всегда, с улыбкой, будто у него жизнь — нескончаемый отпуск.

— Привет. Какой на сегодня план? — спросила я, опираясь на телегу с товаром.

— Пойдём покурим сперва, а потом всё расскажу.

Курение — точно не по мне. Никогда не пробовала и желания ноль: и запах так себе, и деньги в никуда. Но выйти на пятиминутку я любила — свежий воздух, мини-передышка и возможность просто стоять, никуда не спеша.

Мы вышли через подсобку. Холодок сразу вцепился в меня, и я плотнее запахнула куртку. Кира с Карлосом достали свои вечные спасители-нервов — пачки сигарет, прикурили и выпустили в воздух серые клубы.

— Ну что, как выходные? — спросил Карлос, выдыхая дым и шурясь на свет.

— Хорошо, — ответила я. — Всё сделала, что планировал. А у тебя как?

Карлос мгновенно скривился, будто лимон съел.

— Да блин С женой поругался. Представляете? Заявила, что второго ребёнка не хочет. Говорит, одной дочери достаточно.

— Понятно — пробормотала я, стараясь спрятать своё полное отсутствие интереса.

Чужие бытовые трагедии меня не цепляли никогда. Подруги — другое дело: там слушаю, переживаю, советы выдаю из своей копилки «мудрости». Но вот Карлос Карлос — ходячий подкаст «Я и мои проблемы». И самое удивительное: как можно так легко обсуждать жену со всеми подряд? При этом обязательно выставить её виноватой.

Не хочет она второго Ну конечно, не тебе же беременеть и рожать, дружище.

— Я не хочу детей, — подала голос Кира, не отрываясь от телефона. — От них потом столько проблем

— А я хочу, — сказала я.

— Вот и я хочу ещё! — всплеснул руками Карлос, будто мы ему союзники.

Он затанулся и выдал ещё:

— Я ей говорю: ну подумай, дочка уже подросла, в сад ходит А она мне: «Мне карьера важнее». Кого волнует эта её работа? Я же прошу ненадолго!

— А ты пробовал спросить, чего она хочет на самом деле? — тихо сказала я, больше спрашивая ради приличия.

Карлос замялся, скосил глаза:

— Ну она же должна понимать, что семья важнее.

Я промолчала. Некоторые разговоры — как сигаретный дым: лучше не вдыхать глубоко.

Мы ещё пару минут постояли, грея руки и наблюдая, как дым растворяется в утреннем воздухе, потом вернулись в зал.

Карлос быстро распределил фронт работ:

— Кира, ты — магнетики. А ты, — он ткнул в меня пальцем, — Скинь телеги, коробки распакуй и на полку.

— Принято, босс, — фыркнул я.

Мы выкатили из склада две огромные телеги, грохнули коробки на пол и начали выставлять товар. Я воткнула наушники — музыка в голове всегда превращает рутину в что-то терпимое, почти приятное.

Работа понеслась привычным ритмом. Ночная смена — она всегда особенная: магазин наполовину пустой, лампы гудят тихо, воздух будто гуще обычного, а мы с Кирой и Карлосом — как маленькая команда выживших после апокалипсиса.

Я возилась с коробками сувениров. Внутри лежали новые домики из керамики, брелоки и пара ароматных свечей. Я взяла один домик — крошечный, с аккуратной прорисованной крышей — и поставила на полку.

Потом отошла, посмотрела и пододвинула чуть-чуть влево.

Ну так ведь лучше.

— Алиса, ты будто выставку делаешь, — проворчала Кира, проталкивая телегу с магнитиками. — Эти домики всё равно никто не купит.

— Купят, — сказала я, приклеивая ценник ровно-ровно. — Люди любят милые вещи.

— Люди любят скидки, — возразила она. — А милое — если бонусом достанется.

Я фыркнула. Карлос тут как тут, как всегда, с широкой улыбкой:

— Девчонки, не ругайтесь, у меня желудок слабый.

— Ты сам тут главная истеричка, — заметила Кира. — Твой желудок нас всех переживёт.

— Я — тонкая, ранимая натура, — он показательно приложил руку к груди. — Берегите меня.

Я засмеялась — тихо, но от души.

Мне нравились такие моменты. Мы трое — разные, но ночью становились почти семьёй.

Я продолжила раскладывать свечи. Аккуратно брала каждую баночку, поворачивала чуть к свету, проверяла, чтобы наклейка была впереди. Ценники приклеивала ровно, чтобы не косили глаз.

Это успокаивало. Движения — простые, понятные. И результат сразу видно: вот было хаос, а теперь аккуратная, красивая полка.

Карлос тем временем жаловался:

— Девочки, я вам говорю, жизнь сложная штука.

Я притворно кивнула, стараясь не закатывать глаза.

Мы работали дальше, болтая о всякой ерунде: кто что ел, кто что смотрел, как Кира вчера едва не упала, таская швабру.

Я улыбалась. Несмотря на усталость, я любила эти ночи. Здесь было спокойно, предсказуемо и по-своему уютно. Постепенно смена подходила к концу. Магазин становился тише, будто выдыхал вместе с нами. Мы убрали лишние телеги обратно на склад, пустой картон аккуратно сложили в пустую телегу, и Карлос выкатил ее на улицу.

Я устала выдохнула, когда мы вернулись в зал после очередного перекура. А еще мы так замотались, что я даже забыла про обед. Бабушкины беляши! Черт. Я убрала их в холодильник, все равно ночью опять приду, тогда точно пообедаю.

Карлос объявил:

— Так, птенчики, десять минут — и идём отдыхать.

— Наконец-то, — простонала Кира.

Я прошла в раздевалку, сменила рабочую футболку на свою родную, аккуратно сложила ее и поправила волосы. Устала, но чувствовала приятную лёгкость — как после бега трусцой.

Мы погасили часть света, закрыли подсобку. Карлос отщёлкнул замок на входе:

— Всё, ночь победили!

Я натянула капюшон, вдохнула прохладный воздух и

улыбнулась ребятам:

— До вечера.

И вышла в ранний рассвет — тихий, спокойный, почти безлюдный.

Домой хотелось отчаянно. Душ, тёплый чай с лимоном и кровать — звучало как рай.

Глава 3.

Макс.

Тяжёлые дни наконец-то отползли в прошлое, оставив после себя приятную усталость и хрустящий холод за окнами клиники. Я проводил Авериных до дверей — семейство, которое умудряется одновременно сводить меня с ума и приносить половину прибыли клинике.

Закрыв за ними дверь, я вернулся в свой кабинет. И, как всегда, внутри всё было идеально. Каждая ручка, каждый документ, каждая папка — всё на своих местах, будто я сам превратился в линейку и вымерял расстояние до миллиметра.

Порядок был моей тихой навязчивостью. Единственное, что удерживает голову от взрыва.

Я рухнул на свой диван, вытянул ноги и прикрыл глаза. Оно само случилось — короткий провал, как будто меня утащила глубина. Разбудил, как всегда, неуместно бодрый Райан.

— Доброе утро, — просунул голову в кабинет.

— Доброе — пробурчал я, потирая глаза.

Он замер на пороге, изучая меня, как будто боялся, что я

сейчас кого-то прибью.

— Макс, езжай домой, — сказал он осторожно. — Ты тут уже сколько?

— До хрена, — честно ответил я.

Встал, потянулся, снял халат и аккуратно повесил его в шкаф — ровно, чтобы плечики лежали правильно. Райан следил за каждым моим движением, как щенок, который ждет, что ему кинут палку.

— Ладно, — взял портфель со стола. — Я поехал. Если кто-то умрёт — поднимайте остальных врачей. Мне не звонить.

Он моргнул.

— Я серьёзно, Райан. — Я посмотрел на него поверх воротника пальто. — Разбудишь — закопаю. С профессиональной точностью.

— Да понял я, понял — поднял он руки.

Я переобулся, застегнул пальто и вышел в коридор. Персонал, как обычно, инстинктивно расступился. Забавно — я ведь никогда ни на кого не повышал голос.

Но, видимо, дело было не в голосе. Я выключил свет в кабинете, повернул ключ в замке.

Райан с другими врачами с медсестрами стоял рядом, ожидая.

— Когда вернёшься? — спросил он.

— Когда посчитаю нужным. Это всё. Прощаемся.

Он не стал спорить — заведующий клиникой сказал, зна-

чит точка.

Я вышел через главный вход. Морозный воздух ударил в лицо, прочищая остатки мыслей.

Я действительно был выжат. Да, я поставил Кирилла на ноги, подлатал Илью, залечил Нику, и привел в чувства Сэма. Работа адская. Но если я чем-то и горжусь — так это руками, которые спасают жизни. Врач от Бога.

И да, я тоже это знаю.

Я сел в свой внедорожник, закрыл дверь. Повернул зажигание. Мотор зарычал — низко, мощно, почти как зверь в груди.

— Домой, — выдохнул я и отпустил тормоз.

Сегодня — никакой клиники. Никаких Авериных. Никаких бесконечных вопросов.

Только я.

Сон.

И тишина.

Надо наверстать пропущенный сон.

Дорога до дома тянулась спокойно, почти гипнотизируя. Под колесами хрустел свежий снег — ровно, размеренно, будто кто-то щёлкал тонкими ледяными костяшками. В салоне гудела печка, мягким теплом расслабляя мышцы, и веки норовили закрыться сами.

Дом. Милый, грёбанный дом.

Подумал я, въезжая в ворота своего особняка. Я мысленно уже лежал в постели, утопая в подушках, и тело требовало

воплотить фантазию в реальность как можно скорее.

В душ я пошёл почти на автопилоте.

Горячая вода обрушилась на плечи, смывая остатки смены, и пена от геля пахла так приятно, что захотелось стоять под струями часами. Но сил на это не было.

Белые боксёры натянул — как попало, лишь бы закрыть-ся, и рухнул на широкую, мягкую кровать, проваливаясь в сон почти моментально. Вырубился так, что не слышал ни звонков, ни, похоже, даже собственного дыхания. И слава всем богам, что никто не посмел меня разбудить — иначе от смельчака осталось бы мокрое место.

Глаза открыл только на следующий день.

Спал больше суток. Даже для меня — рекорд. Потянулся к телефону — экран мигнул, показывая несколько пропущенных от Сэма.

Тяжело выдохнул и кинул трубку обратно на тумбу.

Позже.

Всё, мать его, позже.

Ещё пару минут я просто лежал, уставившись в потолок. Странно даже, что из клиники никто не звонил. Либо обещаниям поверили, либо ничего не случилось. Второй вариант мне нравился больше.

Поднявшись, натянул белые шёлковые штаны от пижамы и спустился на кухню. Кофеварка ожила от одного нажатия — «эспрессо». Поставил телефон на громкую связь — звонил Сэму — и занялся тостами.

— Наконец-то! — раздалось из трубки.

— Я спал, — буркнул я, засовывая хлеб в тостер.

— Да я понял. Заеду?

— Что-то срочное? — закатил глаза.

Не то чтобы я не любил людей ладно, любил выборочно.

Но провести вечер в тишине — это было моё законное право.

— Вообще да.

— Ждать до завтра не может? — устало спросил я, доставая сыр и колбасу.

— Макс, дело не может ждать.

— Ладно, — процедил я. — Адрес знаешь.

— Буду через час.

Гудки.

Вот чертовски рад, правда.

Я забрал бутерброды, кофе и ушёл в гостиную. Тишина была такой вкусной, что я даже телевизор включать не стал. Просто сидел, смотрел, как крупные снежинки падают на заднем дворе, и наслаждался редким покоем.

— Макс? — раздалось в коридоре.

— Гостиная, — ответил я коротко.

Через секунду показался Сэм.

Я, как врач, сразу подметил: скачет как антилопа — будто и не было рваных ран. Отличная у меня работа, да.

— Прости, что вваливаюсь так, — он поднял руки, будто сдаваясь. — Дело реально не терпит.

— Слушаю, — сделал я глоток горького кофе.

И Сэм выдал.

Про Теней. Про то, что они выше охотников. Про разговор с Никой и Авериными. Про медальон.

Я взорвался.

— И ТЫ ГОВОРИШЬ МНЕ ЭТО ТОЛЬКО СЕЙЧАС?! —

я резко встал. — Мало того, что объявляешь о каком-то чёртовом начальстве охотников, так встреча у вас была в МОЕЙ клинике! Где мой персонал! Где пациенты! За которых я, между прочим, отвечаю! — рык сорвался сам. — Отлично. Спасибо, что не через год сообщили.

— Макс, не кипятись — начал он.

— Тысяча всего могла произойти КАК РАЗ из-за того, что вы умолчали!

— Мы не умалчивали, — оправдывался он. — Я вчера весь день тебе звонил!

— Извини, что спал как убитый после того, как ваши шкуры спасал.

Я был не просто зол. Меня трясло. Как можно было скрыть такое? В больнице люди, оборотни. Охрана должна была быть усилена сразу. А какие-то Тени прошли незамеченными. Это сводило с ума.

— Макс, но наша семья

— У меня тоже есть семья, Сэм, — перебил я, низко рыча.

— Люди, которых я обязан защищать.

Он вздохнул с виноватым видом.

— Ты прав. Мы должны были сказать раньше. Но сейчас

— он достал из кармана свёрток. — Речь о кулоне Ники.

Он раскрыл ткань. На стол лёг золотой кулон на тонкой цепочке.

— На вид обычный, да? Только попробуй взять — обожжёт. Только Ника может держать его в руках.

Я посмотрел на кулон, но молчал.

— Ни один оборотень не может его взять, — продолжил он. — Он зачарован. Или что-то близкое к этому.

— И? — раздражённо бросил я. — Ты от меня чего хочешь?

— Это же невероятно! — удивился он.

— Неинтересно, — отрезал я. — Это вашей женщине. Женщине ваших вождей. Я тут при чём? Пусть Кирилл с Ильёй разбираются.

— Я подумал может, ты что-то знаешь.

— Не знаю, — чётко сказал я.

— Понял, — коротко бросил Сэм.

Он аккуратно сложил кулёк с кулоном, боялся коснуться той самой магии, что жгла ему руки, и спрятал обратно в карман куртки.

— И спасибо, Макс.

— За что? — я приподнял бровь.

— За спасённые шкуры, — хмыкнул он и развернулся к выходу.

Я уже почти отвернулся, но его уходящая спина всё равно зацепила взгляд.

— Это моя работа, — отозвался я глухо, почти автоматически.

Он не ответил — дверь мягко закрылась, оставив после себя тишину и едва уловимый запах снега.

Я не медлил. Пальцы сами нашли контакт главы охраны клиники, и голос мой был таким ледяным, что даже я его почувствовал.

— Усилить охрану. Немедленно. Патрули по периметру удвоить. Все происшествия — докладывать лично мне.

— Да, доктор, — поспешно прозвучало в трубке. — Приказ принят.

— Исполнять.

Я отключился, даже не дослушав подтверждение. Гнев всё ещё кипел под кожей, будто я стоял слишком близко к огню.

Как?

КАК они вообще осмелились вот так выйти из моей клиники, ничего мне не сказав? Тени, мать их. Неизвестные существа, которые пришли, прошли, исчезли — и даже следа не оставили.

Я сжал кулаки, чувствуя, как костяшки побелели. Тоже мне семья.

Тоже мне товарищи.

Поставили под угрозу людей, за которых я отвечаю. Пациентов, персонал, мою территорию. Мой дом в белом камне и стекле, где я спасаю жизни каждый божий день — а они позволили неизвестно кому бродить там, как у себя дома.

Гнев волнами бил в виски.

Я медленно выдохнул, но спокойнее от этого не стало.

— Ещё раз так сделают — шепнул я сам себе и зло хмыкнул. — И пожалеют, что вообще знают меня.

Глава 4.

Алиса.

Дом встретил меня тихой, сонной тишиной. Раннее утро — то самое, когда стены ещё не проснулись, и даже шаги по коридору кажутся слишком громкими. Я буквально ввалилась в душ, смыла с себя магазинную пыль, мороз и остатки ночного адреналина и через десять минут уже падала в кровать, даже не успев толком высохнуть.

Бабушка ещё не выходила из своей комнаты, и слава всем богам — только этого мне не хватало: отвечать на расспросы, как прошла смена, кто что сказал, сколько людей было. Ночью я настолько устаю, что утром даже мыслить лень.

Уткнувшись лицом в подушку, я натянула одеяло до носа и наконец почувствовала, как мышцы начинают расслабляться. Ноющая усталость приятно тянула тело — будто я разложилась в собственный зарядный модуль. Глаза закрылись сами собой, и я провалилась в сон сразу, без единой мысли.

Вечерний будильник вырвал меня из тишины как взрыв. И стоило мне сделать первый вдох — я всё поняла.

Я заболела.

Горло саднило, будто я ночью ела наждачку. Голова ныла тяжёлой пульсирующей болью, тело было ватным, как после гриппа. До работы оставалось два часа, и в теории я могла бы успеть хотя бы сбить симптомы.

Я, кряхтя как старая дверца шкафа, поднялась, дошла до тумбы, достала аптечку. Маленькая коробочка, начинённая всем, подряд. Я перелопатила таблетки — и нашла только леденцы от горла.

Ну супер. Ими я весь праздник и вылечу.

И в этот момент в дверь постучали. Секунды не прошло — бабушка уже вошла, как буря.

— Выспалась? — она сразу увидела аптечку. Лоб её намурился. — Так. Ты чего? Простыла?

— Видимо, да

— Быстро в кровать!

— Мне скоро на работу сумку собрать, поужинать надо

Я плюхнулась на край кровати, измученно потерла лицо. Бабушка уже рылась в аптечке, нашла градусник, встряхнула и сунула мне в руку.

— Давай, ложись. Я пока чай с малиной поставлю.

Спорить сил не было. Я вернулась под одеяло, достала телефон и открыла чат с Карлосом. Написала коротко: *«Сегодня не выйду. Температура. В следующую смену буду»*.

Карлос прочитал сразу — ответил только через десять минут сухим «ок».

Ну всё, обиделся.

И что самое неприятное — мне действительно стало грустно. Но идти больной — ещё хуже. Заразить половину смены? Нет уж.

Градусник пискнул.

38,8.

— Отлично, — пробормотала я. — Вот они, наши пяти-минутки на морозе

— А вот и я, — объявила бабушка, врываясь с подносом.

На нём стояла большая кружка с ароматным чаем и баночка малинового варенья — та самая, домашняя, густая, почти джем.

— Пей, — строго сказала она, ставя всё на тумбочку.

— Пахнет божественно, — призналась я.

— Конечно божественно. Я варила, — фыркнула бабушка. — Кушать хочешь?

— Пока нет — я откинулась на подушку и раскрыла баночку.

Положила в чай пару ложек варенья. Размешала. Сделала глоток. И ох вот это кайф.

Малина, тепло, сладость — всё как будто шло прямо в душу.

До самой ночи я так и проваливалась в кровати, как выбитая из розетки. Жар поднимался медленно, но уверенно — внутри будто кто-то поставил маленькую печку и забыл выключить.

Жаропонижающего, конечно же, не оказалось. Классика. Аптечка набита всем подряд: бинты, пластыри, таблетки «на всякий случай» а того, что нужно прямо сейчас, как назло, нет.

Когда бабушка вошла, я лишь обречённо выдохнула.

— Алиска, давай-ка ложись, — мягко, но строго сказала она, поправляя одеяло. — Завтра врача вызову.

— Ба-а-а, не надо врача, — фыркнула я, поморщившись. — Чего его гонять? Пройдёт. Чай с малиной, молоко с медом — и я снова огурчик.

— Ну, смотри сама, — проворчала она, но в глазах мелькнула тревога. — Сейчас главное — отдыхай.

— Так точно, — буркнула я, отдавая честь невидимой ладонью.

Бабушка выключила свет и тихо прикрыла дверь. Комната погрузилась в полумрак, только блики от фонаря за окном скользили по стенам. Я устроилась поудобнее, но сон упорно не приходил. Голова ныла, горло дергало неприятным комом, а тело то бросало в жар, то в холод.

Минут через тридцать я сдалась.

Села. Подождав, пока комната перестанет качаться, поплелась на кухню — искать вторую аптечку. Она обычно хранится в верхнем шкафчике, там, где до всего сложно дотянуться.

Порывшись пару секунд, я увидела знакомую упаковку.

— Да! — прошептала победно, словно нашла клад.

Последняя таблетка. Но какая же долгожданная.

Запила её тёплой водой, и меня тут же пробрало холодом. Не просто знобит — будто мороз прошёлся по коже кончиками пальцев. В квартире тепло, но моё тело решило жить по своим законам.

Я почти бегом вернулась в комнату, нырнула под одеяло, закутавшись, как гусеница в кокон. Уткнулась носом в подушку, пытаюсь согреться.

Сон подкрадывался медленно. Осторожно. Как будто боялся спугнуть меня.

И я позволила ему накрыть себя полностью.

Макс.

Выходные коту под хвост. Не отдых, а сплошная нерво-трёпка, будто кто-то нажал паузу на нормальной жизни. В голове — один вопрос: кто такие эти Тени?

После ухода Сэма я спустился в комнату охраны и пересмотрел записи с камер наблюдения. В палаты они не ведут — медицинская тайна и всё такое, — но я рассчитывал, что хоть в коридорах увижу следы. Хоть что-то.

Но на экране — только рябь, дерганные помехи на нескольких камерах. Как будто кто-то специально прошёлся по системе. И ни одного силуэта, ни одного намёка. Пустота давит куда сильнее любой угрозы.

Попытался успокоить нервы. Глубокий вдох. Выдох.

Мысли сами собой вернулись к тому кулону, что приносил Сэм. Заклинание, от которого оборотней обжигает как святая вода обжигает нечисть И Тени, по его словам, заявили, что это защита.

Защита от кого? От нас же?

Кулон принадлежит охотникам. Логично, да. Но меня гложет другое — за всё время, что я наблюдаю за ними, был десяток случаев, когда охотники вредили людям, и ровно ноль ситуаций, когда кто-то сверху пришёл бы и сказал: *«Мы виноваты»*. Признали, извинились — ха.

А теперь выясняется, что над ними кто-то стоит? Это уже кандидат на открытие года.

Я поднялся в кабинет на втором этаже — моя крепость, мой маленький штаб. Включил компьютер, щёлкнул мышкой и разослал сообщения знакомым в стаях.

«Слышали когда-нибудь о Тенях? Есть инфа?»

Ответы пришли быстро, один за другим.

Медведи — не в курсе.

Гепарды — тоже тишина.

И вообще все, кому я написал, развели лапами.

Впрочем, я и ожидал. Если бы хоть один из оборотней знал о Тенях, слух разлетелся бы по континенту, как это обычно бывает. Информация у нас разлетается быстрее, чем Wi-Fi.

Поймал себя на мысли:

Снова совет старейшин? Реально? Мы опять туда идём?

Открыл внутренние документы. Пролистал список действующих старших среди тигров.

Фамилии, ранги, пометки.

И — нужная строчка: Ян. Бенгальский тигр. Старейшина.

Вот кто может прояснить хоть что-то.

Я составил официальное сообщение, прикрепил файл с помехами с камер и отправил ему на почту. Если даже не будет созыв совета, то хотя бы поговорим лично. Ян всегда был адекватен. Ну насколько может быть адекватен старейшина с его опытом.

Теперь остаётся ждать.

Самое отвратительное состояние — когда ничего не зависит от тебя, и всё, что ты можешь сделать, это сидеть перед монитором и слушать, как в тишине кабинета тикают часы.

Глава 5.

Макс.

Я уже несколько часов ждал ответа — тишина. Ладно подожду ещё немного, хотя терпение у меня давно тоньше льда. Вернувшись в комнату, схватил телефон и ткнул вызов Ильи. Он ответил почти мгновенно, как будто сам сидел на телефоне.

— У аппарата.

— Вы дома?

— Да.

— Скоро приеду. Нужно поговорить.

— Хорошо.

Я оборвал связь и глубоко выдохнул. От нервов руки всё ещё цепенели, но я заставил себя двигаться чётко и размеренно. Подошёл к шкафу, вытащил тёплый костюм. Одевался быстро — не потому, что спешка, а потому что хотел поскорее добраться до прайда Авериных и закрыть эту тему раз и навсегда.

А потом — домой. Перезагрузиться. Попробовать вернуть себе свой долбаный выходной. Спустился вниз, натянул зимний чёрный пуховик, засунул ноги в зимние кроссы

и прошёл в гараж.

Там, как всегда, блестел мой внедорожник — будто только что с мойки, чёрный, надменный, идеальный.

Я плюхнулся в кресло водителя, повернул ключ. Двигатель зарычал низко, обещая скорость и немного хаоса.

— Обожаю этот звук, — выдохнул я сам себе, чувствуя, как внутри наконец-то появилось хоть какое-то удовольствие.

Автоматические ворота поползли вверх почти беззвучно. Я выехал и с заметным раздражением покинул территорию дома — туда, где меня ждали вопросы, разговоры и, возможно, неприятности.

Дорога до прайда барсов выдалась почти медитативной. Асфальт будто сам раскатывался под колёса, машины вокруг — раз-два и обчёлся. Я даже не превышал скорость, а долетел за время, на которое обычно уходит двойной перегон. Светофоры покорно щёлкали зелёным — редкая удача, будто судьба сама подталкивала меня к дому Авериных.

На КПП меня почти не задержали. Махнули формально, для порядка — меня здесь знают, да и внедорожник мой уже в базу вбит. Проверка — «для галочки», и шлагбаум вверх. Путь до дома я тоже знал — пяток поворотов, и я на территории особняка.

— Здравствуйте, — охранник подошёл сразу, как только я притормозил у входа. — Главы вас уже ожидают.

Я коротко кивнул. Заглушил двигатель, будто ставил точ-

ку, и направился к дому. Для разговоров о серьёзном у Авериных есть переговорная — именно туда меня, не теряя времени, провёл другой охранник.

В зале уже сидел Кирилл. Уткнулся в монитор, взгляд хищный, сосредоточенный.

— Макс, — поднял он глаза. — Спасибо, что приехал.

— Привет, — я стянул пуховик. — Илья будет?

— Да. Он отвёз Нику к родителям. Сейчас подъедет. Кирилл поднялся, обошёл стол и опёрся о край, скрестив руки на груди — привычная поза силы.

— Тогда предлагаю сразу к делу, — я рухнул на диван.

— Согласен.

Он двинулся к шкафу, вытащил бутылку крепкого, два бокала. Шум стекла в тишине — звучал как признание.

— Тени, — начал он, опускаясь в кресло напротив. — Для начала я хочу извиниться. Мы должны были сказать сразу. Это ошибка, и я её признаю. Он смотрел честно, прямо. Без попыток выкрутиться. Это я ценю.

— Проехали, — отмахнулся я. — Но, Кирилл, второй раз таких косяков быть не должно. Я не хочу ссориться с главным финансистом сети своих клиник но, если вы ещё раз подставите меня или моих людей — за себя не отвечаю.

Я наклонился вперёд, прихватил бокал, посмотрел ему прямо в глаза.

— Это не угроза. Это факт.

Кирилл молчал несколько секунд — дышал яростью и

упрямством. Я видел, как его задевает тон. Кто он такой? Вожак. Выше всех. Привык, что под ним земля сгибается. Но, я не часть его стаи — и он знает, что вина за ними.

— Договорились, — наконец выдал он. Я сделал глоток. Алкоголь приятно резанул горло.

— Сэм посвятил меня в детали, — сказал я. — Почему Ника вообще стала целью этих Теней?

— Мы сами не понимаем, — Кирилл потёр бороду. — Она никак не связана ни с охотниками, ни с оборотнями. До встречи с нами — обычная человеческая жизнь.

— Понял. — Я опустил взгляд. — Но странно всё это. Почему она? Почему Тени решили выйти из тени, чёрт побери. Я поймал его взгляд и усмехнулся.

— Да, тавтология. Но смысл тот же. Война с охотниками длится веками — открытая, скрытая, крови хватало. Но никто и никогда не видел, чтобы Тени вмешивались. Тем более — прикрывали человека. По сути ноунейма.

— Да какого чёрта! — рыкнул Кирилл, и в голосе прорезался зверь. — Мы даже не знали, что они существуют! Столько веков!

— Вот именно. — Я пододвинул бутылку, вновь плеснул в бокал. — Они молчали, прятались. И вдруг объявились. Я сделал паузу, глядя в янтарную жидкость, как будто там появится ответ.

— Почему сейчас?..

Алиса.

Утром я проснулась с чётким пониманием: стало хуже. Во много раз. Горло будто наждачкой прошлись, голова тяжёлая, глухая, и я буквально чувствовала, как сопли живут собственной жизнью в пазухах.

— Я сейчас сдохну — простонала я, даже не рассчитывая на сочувствие. Глаза резало, тело горело, как будто кто-то включил внутри меня режим «сауна».

— Нет тут одним вареньем не отделаешься, — буркнула уже себе под нос, пытаясь сообразить, кто я, где я и почему ещё дышу. Потянулась за телефоном. Семь утра. То время, когда нормальные люди ещё видят третий сладкий сон, а мой организм мечтает умереть тихо и драматично.

Я поднялась с кровати — и тут же ощутила, как холод пробирает до костей. Кожа покрылась мурашками, будто меня выкинули на мороз. На ощупь добралась до комода, вытащила тёплую пижаму — штаны, кофта. Натянула всё на себя, ноги спрятала в махровые носки, влезла в тапки и поковыляла на кухню, как старушка после марафона.

Я старалась идти тихо — вдруг бабушка спит? Но нет. Она уже сидела за столом и пила горячий чай, бодрая, как после энергетика.

— Алиска! — всплеснула она. — Ты чего так рано поднялась?

— Плохо мне — сипло ответила я, словно мне горло песком засыпали.

— Господи Боже! — бабушка подскочила, как будто у неё тревожная кнопка сработала. — Садись!

Она буквально усадила меня на кухонный диван, заботливо придерживая под локоть.

— Сейчас чай налью. Бабушка тут же засуетилась: включила чайник, приоткрыла шкафчик, что-то перебирает.

— Я в аптеку сбегая, — сказала она, уже выдвигая список у себя в голове.

— Спрошу у аптекаря, что лучше взять.

— Ба, давай я тебе переведу

— Ты дурная, что ли? — бабушка уставилась на меня. — Мне твои переводы не нужны. Я что, по-твоему, уже немощная, лекарства купить не могу?

— Я не это имела в виду — пробормотала я. — А ты что так рано, не спишь?

— Да мы с Нюрой на рынок поедем, — ответила она, засыпая чай в мою любимую кружку. — Хочу мяска взять, картошки. На обед супчик сварю. На ужин, кстати, что хочешь? Передо мной появилась кружка с обжигающим чаем. Бабушка достала молоко, поставила рядом, сахарница уже стояла на столе. Я кинула два кубика и размешала, пока чай не стал терпимо-питьевым.

— Печенье, — распорядилась бабушка, и через секунду передо мной стояла вазочка с песочным.

— Бутерброды сделать? У нас икра есть и красная рыбка. Я покачала головой. Мне бы дыхание сохранить.

— Ну, тогда кушай печенье. Села напротив, прищурилась, изучая меня, как врач без диплома.

— Где ты эту заразу подцепила — тяжело вздохнула. — Жалко мне тебя, господи. Я только моргнула — и правда стало чуть жалко себя тоже.

— Да без понятия, где заразилась, — пожала я плечами, мешая чай, словно это могло взбодрить мои иммунные клетки. — Как-то внезапно накрыло. — Тебе нужно хорошо есть, — отрезала бабушка таким тоном, что любой вирус съёжился бы от стыда. — Сил набираться. На обед супчик, на ужин пюрешку с котлетками сделаю.

— Хорошо, — кивнула я, потому что спорить с бабушкой — это война, где у противника бесконечные боеприпасы. Тем более пюре с котлетами это вообще пища богов.

— Ну вот и славно, — улыбнулась она, подмигнув. — Я пойду, а то Нюрка уже бунт наверняка поднимает. — Бабушка фыркнула. — Я быстро! Туда и обратно.

— Та не торопись, серьёзно, — усмехнулась я. — Я не ребёнок, выживу. Как приедешь — так и приедешь.

— Ну ещё чего! — возмутилась она, будто я предложила ей работу бросить. — Пенсия пришла, так я вкусняшек тебе возьму.

— Не надо, правда, спасибо.

— Чё «не надо»?! — бабушка подняла бровь. — Не мешай

мне заботиться о тебе!

Я не выдержала — улыбнулась так широко, что сами глаза увлажнились. Приятно до смешного — знать, что кому-то в этом мире искренне не пофиг на твоё сопливое существование.

— А ты давай в постель, — распорядилась бабушка, уже перейдя в режим «шеф-медсестра». — Отдыхай.

— Как прикажете, мем, — хрипло хохотнула я. — Та же артистка, — покачала она головой. — Ладно, я побежала. Обещаю не задерживаться.

— Давай-давай, — махнула я рукой. — И бабушке Нюре привет.

— Обязательно.

Бабушка направилась в коридор, а я потащила следом — провожать. Она ловко затянула на поясе свой шерстяной пояс, засунула ноги в сапоги и между делом читала мне лекцию о важности отдыха, тепла, витаминов и «не бегай босиком, дурында». Надела шубу, завязала платок, прихватила сумку, поцеловала меня в щёку — и исчезла за дверью.

Когда дверь захлопнулась, дом накрыла тишина. Только тиканье часов стучало ритмом: болейшь, болейшь, болейшь. И почему-то именно в этот момент я почувствовала себя особенно одинокой и особенно любимой одновременно.

Глава 6.

Макс.

Диалог топтался на месте. Даже после того, как к нам присоединился Илья. Даже после того, как я позвал тяжёлую артиллерию — главу клана медведей Кияра и вожака гепардов Кайрала.

Если уж и эти двое не подкинут нам крупицу информации — значит, в мире действительно назревает дерьмо.

Первым явился Кияр — как всегда, без стука, без предупреждения, словно дом принадлежит ему. Высокий, плечистый, шире дверного проёма. На пороге вырос кремень тридцати пяти лет, с тёмными волосами, хищными карими глазами и густой аккуратной бородой.

Этот мужик стал вождём в шестнадцать — и до сих пор держит клан так, что даже охотники предпочитают обходить медведей стороной.

Один из крупнейших моих спонсоров. Не потому, что великодушный — потому что хочет знать всё первым. Особенно о новых препаратах и методах лечения. Он покупает не лекарства — а гарантию, что его клан выживет.

– Макс, – прогремел он своим добродушно-хриплым ба-

сом, заходя прямым в снег. — Сколько лет, сколько зим.

Он даже не подумал остановиться в прихожей — топнул прямо на ковёр, стряхивая снег так, будто это обязанность ковра впитать все как можно быстрее не оставляя следа. Я перевёл взгляд на близнецов — их лица стоили всего виски этого кабинета. Я заржал, вытирая выступившие слёзы.

— Мы, кажется, виделись неделю назад, нет? — фыркнул я.

— Ну так есть новости? — в лоб спросил Кияр. У него нет малой беседы. Только прямой выстрел.

— Обсудим в другой раз, — хмыкнул я. — А сейчас тема жёстче.

— Тени, — прорычал он. — Что, мать его, за Тени?!

Кирилл подал ему бокал виски:

— Сядь. Переварим вместе.

— Это бабское пойло, Кирюха, — усмехнулся медведь. — Пей сам.

Кирилл пожал плечами и осушил бокал. Кияр ввалился на диван — прямым в своей роскошной шубе из искусственного меха. При деньгах, но с принципами.

— Ну? Что нарыли? — рыкнул он.

— Подождём Кайрала, — жёстко пресёк Илья.

Медведь фыркнул и, будто переключившись, посмотрел на них с теплом:

— Кстати, поздравляю, — кивнул он близнецам. — С истинной парой. Это благословение. Мне давно пора наследников делать а без истинной оно будто не в счёт.

Усмехнулся, но в голосе была правда: он устал искать.

– Встретишь, – спокойно сказал Кирилл.

– Аминь, – кивнул Кияр, а потом метнул на меня взгляд.

– Ну и что по свадьбе, мой любимый врач?

– Не планирую, – отрезал я. – Выбора нет.

– Какие твои годы.

– Мы ровесники, на минуточку.

– Вот я и говорю — какие наши годы!

Заржал — от души, так что стены дрогнули.

В этот момент дверь открылась снова. Зашёл мужчина с тёмными волосами — ниже Кияра, но такой же хищный. Гепард. Лазерный взгляд, резкие движения — в нём всё говорило «решаю вопросы».

– Приветствую, – коротко кивнул он. – Прошу прощения за задержку.

– Как раз вовремя, – сказал Кирилл. – Садись.

Пальто на стул, тело — в кресло, рука — к бокалу. Быстро, без сантиментов.

Я вдохнул, посмотрел на вожakov — и понял, что это не просто встреча.

Это военный совет.

– Можем начинать.

Пятый час мы уже варились в собственных догадках — спорили, перебивали, снова начинали с нуля. Мы перебрали десяток теорий, и каждая рассыпалась, едва доходила до

фактов. Единственное, что удалось хоть как-то закрепить: мы — первые кретины в истории, кто столкнулся с этими чёртовыми Тенями. И абсолютно неясно, новые ли они игроки или жили в тени столетиями, вместе с оборотнями и охотниками.

Илья потер виски и мрачно буркнул:

— Нам бы мог помочь один человек но плохо то, что его уже много лет нет в живых.

В комнате тут же стало тише — каждый понял, кого он имеет в виду. Даже воздух будто сгустился.

Кияр першит горло, он откашливается и говорит медленно:

— Я не был знаком с ним лично. Но слышал от тех, кто знал. Он был вожак всех вожаков. Глава всей оборотневской братии. Держал в страхе и нас, и охотников. Если кто и слышал о Тенях — это он.

— Аарон — качнул головой Кайрал, будто пробуя имя на языке. — Чёрт, жаль, что его нет.

Кирилл неожиданно выпрямился и спокойно выдал:

— У него есть дочь. Наша тётя.

Кияр дернулся, как под током:

— Вы потомки Аарона?!

Илья закатил глаза, устало, почти с раздражением:

— Нет. Яна — жена нашего дяди. Брата нашего отца. Она нам не кровная. Но она мать Сэма. Сэм — наш двоюродный брат.

— Сэм?! — Кайрал приподнял брови. — Саблезубый?

— Угу, — кивнул Кирилл, будто это вообще обыденность.

Кайрал откинулся назад, выдохнул сквозь зубы:

— Внук Аарона Внук Босса. Ахуеть Ты думаешь, он что-то знает?

Илья покачал головой, тон — ровный, но в глазах напряжение:

— Нет. Но я поговорю с Яной. Может, она хоть что-то слышала.

— Расскажешь, — буркнул я, чувствуя, как внутри снова закипает смесь тревоги и злости. Тени, древние боссы, мёртвые легенды — зашибись выходной выдался

Глава 7.

Алиса.

Бабушка с соседкой ушли в своё — обсуждали рынок, цены на картошку, кто кого обманул и где дешевле зелень. А я, прихватив пакет с лекарствами, потопала в комнату. Плюхнулась на кровать, вывалила коробочки перед собой, по очереди отрывала блистеры и глотала всё строго по инструкции, будто это священный ритуал выздоровления.

– Ну вот – я переложила упаковки на компьютерный стол.
– Должно полегчать.

Меня тянуло к кровати как магнитом. Я только улеглась, прикрыла глаза и всё. Чёрный экран. Даже не успела толком подумать ни о работе, ни о Карлосе, ни о том, что жизнь несправедлива.

Проснулась, когда в квартире стояла абсолютная тишина. На кухне — ни шороха. Я прищурилась на часы: 16:00.

– Вы серьёзно?.. – прошептала сама себе. – Я проспала весь день?

Офигенно.

Я села, провела ладонью по лицу и неожиданно поняла, что и правда легче: голова уже не взрывается, в теле не так

ломит, только лёгкая вата внутри.

– Ба-а? Ты где? – крикнула я, выходя из комнаты.

В ответ — ничего. Только мерное тиканье настенных часов и какой-то домашний покой. Я машинально взглянула на магнитную доску на холодильнике — наше семейное табло объявлений:

«Скоро буду, ушла к Нюрке.»

Ну понятно моя социальная бабуля пошла в гости. Я невольно улыбнулась. Честно — мне даже приятно, что она дышит, живёт, не сидит над душой и не устраивает караул у моей кровати.

Я вскипятила чайник, закинула в кружку пакетик, нарезала лимончик. Горячее, кисленькое — идеально в моё горло. С чашкой в руках вернулась в комнату.

На улице уже сгущались сумерки, и я, как будто по привычке организма, включила свой ночник — маленький, милый, с мягким светом. Он разливал по комнате тёплое сияние, делая её похожей на уютную нору, где можно спокойно выживать эту простуду.

Я опустила за комп, нажала кнопку — тихое гудение, вспышка голубого экрана и звук загрузки, будто компьютер поздоровался со мной: «Проснулась? Ну наконец-то».

Первым делом проверила почту. И, конечно, как назло — пусто.

– Ну и ладно, – буркнула я, делая глоток чая.

Затем полезла в соцсети — тут уже живее: подружки, бол-

товня, голосовые, их бесконечные «ну, рассказывай», и мои любимые кружочки.

Вот оно — возвращение в жизнь.

Я просидела за компьютером пару часов, и только когда глаза начали резать от монитора, я перевела взгляд на настольные цифровые часы.

21:09.

Бабушка уже должна была вернуться.

В это время начинается её любимый сериал, и она никогда его не пропускает. Никогда — даже ради гостей, уж тем более зимой, когда она кутается в плед и ворчит на актёров.

Я взяла смартфон и набрала её номер. Пару долгих гудков — и тишина.

Это мерзкое пиликанье в трубке, будто кто-то издевается. Не берёт.

С чего бы вдруг? Я позвонила ещё — и ещё. Всё та же тягучая пустота. Может, не слышит? Опять сунула телефон в карман куртки и забыла? Типичная бабушка.

Я зашла к ней в комнату, вытащила тетрадь — ту самую, где она хранит номера соседок, родственников, водопроводчиков и, кажется, половины района — и нашла номер бабы Нюры. Сразу набрала.

Нюра тоже не ответила.

Вот тут меня и повело вразнос. Как будто по щелчку организм вспомнил:

«эй, ты же болеешь, алло?»

Слабость вернулась, голова зазвенела, а внутри прокатился неприятный всплеск тревоги — или как там называется гормон паники, кортизол этот чёртов.

Я вернулась в комнату, сдуру хлопнула две таблетки подряд, не глядя в инструкцию, сунула градусник под мышку и стала быстрыми, дрожащими руками одеваться. На громкой связи снова долбила телефоны — бабушки и Нюры.

Ни ответа, ни привета.

Глянула на градусник: 38,8. Ну супер. Здоровье — в жопе, но сейчас плевать. Я слишком переживаю. Тёплый домашний костюм, носки, кроссовки, зелёный пухан — и в коридор. Я была у бабы Нюры сто раз в детстве, помню каждый дом на пути.

Стоило выйти — мороз влетел в лицо, как пощёчина.

Я зажмурилась. Холод пробрался под кожу, в кости. Или это температура так издевается? Хотя странно. Когда снег лежит, мороз обычно мягче. А сейчас будто минус 40.

Я ускорила. Её дом всего в нескольких домах от нашего. И тут — за два дома — краем глаза уловила движение в тёмном переулке.

Я застыла. Это выглядело неправильно. Как грязное пятно на чистом снегу — чужое, опасное. Фонари вырублены, почти ничего не видно.

Но слышно.

Обрывки фраз.

— и что!?! — рывкнул мужик.

— у барсов спроси, — грубо отрезали ему.

— я с ними не вожусь.

— да срать я хотел на вас! Хоть с тиграми обсуждай!

— медведи сами по себе!

Что!? Барсы? Тигры? Медведи? Зоопарк выездной? Конечно, беда в том, что дорога к бабе Нюре — прямо через этот чёртов переулок.

Обойти — никак. Или только через соседний квартал, но я в таком состоянии вряд ли дойду. Я топталась, надеясь, что эти ненормальные уйдут.

Но разговор продолжался — и становился только хуже.

— а Макс?

— какой Макс?

неразборчиво

— врач ваш убью!

ЧТО!? Какой Макс!? Какой врач!? Кого они собираются убивать!?

Последнее, чего я хочу — стать свидетелем чьих-то криминальных разборок.

Мне бы под одеяло и малиновое варенье.

И тут — за спиной грубый голос:

— Всё слышала?

Я резко обернулась. Передо мной стоит мужик лет сорока, высокий, плечистый, морда кирпичом.

— Ч-что? — прохрипела я.

Он молча хватает меня за руку — железной хваткой и та-

щит в переулок.

— Отпусти! Ты что творишь!?! Я в полицию позвоню! — да, я визжала. Ничего умнее не придумалось.

— Это ещё что за девка!?! — возмущается кто-то слева.

— Хрен его знает. Стояла у угла и подслушивала, — отвечает тот, кто держит.

— Я не подслушивала! — выдаю я, как школьница без алиби.

— Вы серьёзно!?! — орёт третий. — Человек!

— Вижу! — рывкает другой. — Свидетели нам не нужны.

— Я ничего не слышала! Не видела! Никому не скажу! — уже почти плачу. — Только отпустите!

— Это твои лапы, косолапый! — заорал левый.

— Ты ебанутый? — прорычал правый. — Я людей не трогаю!

И тут левый достал пистолет.

Я оцепенела. Холод внутри стал ледяным. Пошёл тремор.

— Ребята, давайте жить дружно — выдала я.

Да. Когда я нервничаю — моя психика играет стендап.

— Ты с ними!?! — он наставил дуло на меня.

— Нет! Клянусь!

— Эй! — шаг вперёд. — Ты идиот! Убери валыну! Ты сам нас палишь!

— Да пошёл ты!

Выстрел. Пуля ударила в мужчину напротив. Я расширила глаза до размеров блюдца. И тут — он зарычал.

Громко. Низко. Нечеловечески. У него выдвинулись когти. Настоящие. Длинные. Животные. Что за дьявол!? Я дёрнулась и, на панике, вырвалась из хватки.

Побежала. Не думая, не чувствуя.

Дом?

Нет. Нельзя вести за собой уродов с пушкой. Бабушка — святое.

Лучше умереть. Я неслась по снегу, почти проваливаясь. Мне надо было в люди, к свету, к любой помощи — до торгового центра оставалось метров двадцать.

Но я не успела. Удар в спину. Резкий, тупой, болезненный. Мир поехал. Меня выбросило в сугроб.

— Ты точно с ними! — рявкнул мужик.

Я поперхнулась снегом, пытаясь подняться. Обернулась, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Говори! — он стоял надо мной, высокий, тёмный.

— Клянусь — слёзы сами пошли. — Я ничего не знаю

Пистолет снова направлен на меня.

Металл, смерть, тьма.

Я закрыла глаза. Успела подумать о бабушке, о простых ужинах, о чайнике, о малиновом варенье

Выстрел.

Глава 8.

Макс.

Разговор вышел тяжёлым.

Даже несмотря на алкоголь и редкий чёрный юмор, которым мы пытались разбавить напряжение. По факту — ни к чему толком не пришли. С охотниками всё предельно ясно: враг понятный, изученный, предсказуемый в своей ненависти.

А вот Тени

Как с ними говорить? Как вообще выйти на тех, кто предпочитает не существовать? И главное — чего им от нас надо? Почему именно сейчас?

После собрания вопросов стало только больше. И это бесило сильнее всего.

Я смотрел на Илью и Кирилла и видел не просто двух вожаков — я видел целый прайд. Сотни бойцов. Обученных, сплочённых, готовых встать по первому рыку. Настоящий рой солдат.

У гепардов та же история. Родня в Африке, древние линии крови. Даже та немногочисленная часть, что осела в Гималаях, — высокая, быстрая, смертельно опасная. Если они

встают — бегут первыми и бьют точно.

Про медведей гризли

Про них вообще говорить нечего. Огромная стая, по численности сопоставимая с барсами. Мощь, масса, ярость. Им, по сути, и бояться-то некого.

Деньги — куры не клюют.

Бойцы — их точного количества не знает даже я.

А я

У меня есть семья. И есть клиники.

Моя тигриная сущность не терпит чужаков на своей территории. А львиное сердце чёрт возьми, оно всё ещё тоскует по сородичам. Вечные качели: одиночество и желание принадлежать.

Когда-то очень давно я пробовал жить в стае львов. Тогда моя жизнь была совсем другой. Наивной. Голодной до признания. Ничего хорошего из этого не вышло. После некоторых событий я просто ушёл. Без оглядки.

С тех пор я живу один. И не хочу никого рядом. Ни прайдов. Ни подчинённых. Ни обязательств, которые душат.

Есть я. Есть родные. Есть сеть клиник. Этого более чем достаточно.

И всё же

Я поймал себя на мысли, что рад. Рад тому, что в моей жизни есть такие люди. Друзья. С которыми можно вот так сидеть, говорить о важном и не очень — и понимать друг друга без лишних слов.

Даже если над нами сгущаются Тени.

— Макс, блять, — рявкнул Кияр, гризли с его вечной ухмылкой медведя, который только что сожрал весь мёд в округе. — Приём! Давай уже, очнись, полукровка.

Я медленно повернул голову, чувствуя, как в груди тигр и лев одновременно потянулись, готовые порвать любого, кто полезет слишком близко. Запах его тестостерона — густой, как смола, — ударил в ноздри. Ненавижу, когда меня так выдергивают из размышлений.

— Да слышу я тебя, — рыкнул в ответ, и мой голос вышел ниже, чем хотел, с той самой хрипотцой, от которой у слабых самок подгибаются колени. — Жена тебе давать будет, медвежонок.

Кияр заржал, хлопнув себя по бедру так, что диван под ним жалобно скрипнул.

— Я тебя вырублю, доктор, — сказал он со смешком, но в глазах мелькнула та искра, когда два альфы меряются, кто кого сломает первым. — Не дави на больное!

— Угомонитесь оба, — резко прервал нас Илья. Его голос — холодный, как лёд в горах, где выросли мы все. Сыновья Тимура не терпят, когда их время тратят на херню.

Все замолчали. Тяжёлая тишина повисла в комнате, пропитанная запахом мокрого зверя, дорогого виски и едва сдерживаемой ярости. Итога у собрания, как всегда, не было. Только вопросы. И один из них жёг мне горло сильнее, чем остальные.

— Я бы хотел взглянуть на кулон, — произнёс я, глядя прямо на Кирилла и Илью.

Они переглянулись. В их глазах — та же тень, что и у меня внутри. Кулон. Эта чёртова вещица, которая заставила несколько глав разных кланов собраться на одной территории. И что-то мне подсказывает, что этот кусок металла только что стал самым опасным предметом в нашем мире.

Кирилл молча выдвинул ящик стола — движение точное, как у хирурга перед разрезом. Достал маленькую чёрную шкатулку, бархатную, с потёртыми углами, и поставил её на журнальный столик, между нами. В комнате сразу стало тише — даже дыхание Кияра затихло, будто медведь почуял ловушку.

Я наклонился, открыл крышку. Там лежал он — тот самый кулон, который Сэм приносил мне. Большой красный камень, глубокий, как свежая кровь, в тяжёлой золотой оправе, на тонкой цепи. Драгоценность, от которой веяло древней силой. И чем-то враждебным.

Протянул руку — пальцы уже почти коснулись холодного металла, — и вдруг будто сунул ладонь в раскалённый песок. Жжение пронзило кожу, до кости, как удар молнии. Зверь внутри взревел — тигр оскалился, лев зарычал, шерсть на загривке встала дыбом. Я резко отдернул руку, сжимая кулак. Запах палёной шерсти ударил в ноздри — мой собственный.

— А я говорил, — язвительно бросил Илья, скрестив руки на груди. Улыбка у него была холодная, как зимний ветер в

горах. — Оборотень не может взять его. Даже такой, как ты, полукровка.

Кияр хмыкнул, откидываясь на спинку дивана — дерево жалобно скрипнуло под его весом.

— Не зря Тени подарили его вашей Нике, — усмехнулся он, показывая клыки. — Защита человека от оборотней. Чистая, без примесей. Работает как часы.

Кирилл кивнул, взгляд тяжёлый, задумчивый.

— Так и есть. Мы не позволяем ей его носить — слишком опасно для неё самой, если Тени решат, что она теперь их должница. Но и здесь ему не место. На территории прайда — это как бомба с часовым механизмом. Выкидывать — сомнительная идея, а держать — Он перевёл глаза на меня. — Нужно как можно быстрее узнать максимум о Тенях. И о самом кулоне. Пока он не решил сработать против нас всех.

Я смотрел на красный камень — он лежал неподвижно, но в нём пульсировала сила, чужая, колючая. Мои пальцы всё ещё ныли, как после ожога. Зверь внутри метался, требуя разорвать эту штуку, но разум врача говорил обратное: это ключ. К чему-то большему. К врагу, которого мы ещё не видим.

И этот ключ жжёт нас всех, просто по-разному.

Глава 9.

Алиса.

Я зажмурилась изо всех сил, ожидая вспышки боли, грохота выстрела. Но ничего. Только резкое рычание — низкое, звериное, от которого кровь в жилах застыла — и звуки ударов, хруст костей, тяжелое дыхание.

Открыла глаза — сидела в сугробе, снег набился под куртку, обжигал кожу ледяными иголками. А передо мной на моих глазах мужчина превратился. Кости хрустнули, мышцы раздулись, шерсть полезла клочьями — огромный, чёрно-бурый медведь, злой, как сама смерть. Глаза горели жёлтым.

Он врезался в того, кто стрелял в меня. Когти, рык, кровь на снегу — ярко-алая на белом. Защищает? Меня? Настоящий медведь?! Нет. Нет, этого не может быть. Это бред. Температура у меня под сорок, мозг плавится, вот и мерещится всякая херня

Где-то вдалеке раздался крик — грубый мужской голос из переулка, злой, приближающийся. Я вскочила — ноги подкашивались, мир качнулся, как на карусели. Жар внутри полыхал, будто меня изнутри поджаривали, а снаружи мороз кусал щёки, горло драло, каждый вдох — ножом. Но умирать

от лап этого чудовища я точно не собиралась. Даже если это галлюцинация — лучше бежать.

Краем уха уловила обрывок разговора: «веду её». По радиции. Охотятся. За мной.

Я рванула к выходу из переулка — туда, где огни, люди, машины. Там меня не тронут. По закону подлости осталось всего несколько метров до центральной улицы — и тут грубая рука вцепилась в волосы, рванула назад.

— Аааа! — крик вырвался сам, горло обожгло.

Меня прижали к широкой груди — запах пота, кожи, металла. Ладонь зажала рот, пальцы вдавились в щёки.

— Не рыпайся, — прорычал он в ухо, голос как наждачка.

Я вцепилась зубами в ладонь — сильно, до крови. Солёный вкус железа на языке.

— Сука! — заорал он, отдёргнул руку.

Я вывернулась, сделала шаг — и тут же получила ногой в живот. Воздух вышибло, мир потемнел. Рухнула на заснеженный асфальт, снег набился в рот, в глаза. Схватила за живот — боль пульсировала, острая, как нож. Слезы брызнули сами.

— Детка, — голос стал чуть мягче, но раздражение никуда не делось. — Ничего личного. Ты видела то, что простым людям видеть нельзя. Тебя надо дисквалифицировать.

— Я никому ничего не скажу! Клянусь! — взвыла я, голос дрожал, слёзы текли по щекам.

— Хотел бы поверить, но приказ есть приказ.

Он вытащил нож — лезвие блеснуло под фонарём, холодно, хищно. Замахнулся.

И в этот миг медведь врезался в него — огромная туша, рык, удар. Они оба полетели прямо на меня. Мы грохнулись в кучу на ледяной асфальт. Голова ударилась о что-то твёрдое — искры из глаз, звон в ушах, мир поплыл.

Прямо у уха — громкое, хриплое рычание. Крик мужчины, булькающий, захлёбывающийся. Я отползала назад, руками, ногами — сил встать не было. Нога горела — при падении напоролась на что-то острое, кровь сочилась тёплой струйкой. Живот ныл, голова раскалывалась, температура жгла изнутри, как печка.

За спиной — кряхтение, тяжёлое дыхание.

— Эй! Постой!

Обернулась — и замерла.

Абсолютно голый мужчина. Огромный, мускулистый, весь в снегу и крови. Тот самый медведь. Только что был зверем — а теперь человек. Опустила взгляд ниже — и увидела: тело того, с ножом, лежало разорванным, неподвижным, кровь растекалась чёрным пятном на снегу.

Мозг не выдержал. Всё поплыло, темнота нахлынула, как волна. Я провалилась в ничто.

Макс.

Домой я вернулся уже глубокой ночью.

Сначала был долгий, вязкий разговор — тяжёлый, как камень в груди. А потом мы неожиданно остались просто друзьями. Теми самыми, какими были до титулов, до ответственности и крови на руках. Выпивка, азартные игры, резкий чёрный юмор — всё, чтобы ненадолго забыть, кто мы и что на нас давит.

Девочек в этот раз не было.

Во-первых, Ника за такое Кирилла с Ильёй прикопает — и даже я не полезу их отмазывать. Во-вторых, хоть остальные и холостяки с каменными сердцами, никто не стал портить этот редкий, чисто мужской вечер.

Когда я зашёл в дом, меня снова встретила моя любимая роскошь — тишина. После душа я развалился на мягком диване в гостиной, чувствуя, как усталость наконец-то отпускает мышцы. Со столика взял книгу, к которой возвращался уже не раз.

Хемингуэй. «Старик и море». Минимум слов — максимум смысла. Один против мира. Один против стихии.

Я открыл закладку и позволил строкам утащить себя внутрь. Время текло спокойно, ровно. Минуты складывались в часы — привычное состояние, когда ничего не требует решений.

И всё было бы как всегда если бы не это чувство. В какой-то момент я понял: что-то не так. Не боль, не тревога — скорее смещение, будто почва под ногами незаметно ушла в сторону. Я словно оказался не в своей тарелке. Чужим в

собственном теле.

Я закрыл книгу и лег на спину, уставившись в потолок. Долго смотрел, не моргая, пытаюсь уловить причину. Прокрутил день, разговоры, лица, слова — пусто. Я не помнил, чтобы когда-либо чувствовал такое.

Дикое. Странное. Настораживающее.

И где-то глубоко внутри что-то упрямо шептало: будь на чеку. Предчувствие никогда меня не подводило.

Поднявшись с дивана, я направился в свой кабинет. Включив компьютер, я зашел на почту в надежде, что Ян ответил мне, но увы. С досадным вздохом я снова выключил компьютер и направился в свою комнату.

Я решил лечь спать. Утром работа, а значит нужен нормальный, качественный отдых.

Вот только что-то пошло не так.

Я ворочался почти до рассвета. Сон был рядом — сладкий, тягучий, — но стоило закрыть глаза, как внутри поднималась странная, беспричинная тревога. Не паника, нет. Хуже. Тихое, назойливое чувство, будто я что-то упускаю. Будто где-то прямо сейчас происходит нечто важное, а я лежу в темноте и теряю время.

Я менял положение, отбрасывал одеяло, снова накрывался, смотрел в потолок. Тишина давила. Дом, обычно такой родной и спокойный, сегодня казался пустым и чужим.

Уснул я лишь под утро — резко, провалившись в сон без сновидений. Даже не понял, в какой момент это произошло.

Проснулся от мерзкого звона будильника на тумбочке.

— Встаю — пробормотал я, словно он мог меня услышать.

Потёр лицо, выключил этот адский звук и медленно поднялся с кровати. Ноги слушались неохотно. В ванной включил контрастный душ — ледяная вода мгновенно вышибла остатки сна. Вот теперь я действительно проснулся.

На кухне всё было по привычному сценарию: омлет с помидорами и беконом, чёрный кофе с двумя кубиками сахара и миндальным молоком. Простой, проверенный завтрак. То, что возвращает ощущение контроля.

Я сел за стол, открыл ноутбук и машинально зашёл в почту. Новое сообщение.

От Яна.

Наконец-то. Я отложил вилку, даже не доев, и открыл письмо. Экран мягко подсветил текст.

«Макс, благодарю за сообщение о Тенях. За все годы моей жизни и годы в статусе старейшины я о них не слышал.

Но я знаю того, кто мог.

Обратись к Вадиму — возжаку волчьей стаи. Он тоже старейшина. Живёт в России, в тайге, если быть точным. Координаты высылаю. Я с ним уже поговорил, он тебя ждёт

Это не телефонный разговор. Лучшие встретиться лично.»

Я медленно выдохнул и закрыл письмо, откинувшись на спинку стула.

Россия. Тайга. Вожак волков. Отлично.
Тревога внутри только крепче сжала когти.

Глава 10.

Алиса.

Сознание возвращалось рывками.

Короткими вспышками, будто кто-то включал и тут же выключал свет.

В какой-то момент я поняла, что еду. Машина скорой помощи. Надо мной — потолок, по бокам — холодный металл. Двое мужчин в медицинской форме что-то говорили между собой, но слова расплывались, словно я была под водой. Да и, если честно, в тот момент мне было всё равно.

Я несколько секунд смотрела в окно, на улицы, которые проносились мимо размытыми пятнами света

А потом снова провалилась в темноту. Окончательно я пришла в себя уже в палате.

Кислородная маска на лице. Капельница в руке. И — самое приятное — никакого жара. Голова ясная, тело больше не горит. Значит, температуру сбили.

Я медленно осмотрелась.

Палата была неожиданной. Простая, но со вкусом. Идеально чистая. Ни трещин на стенах, ни облупившейся краски. Даже воздух казался стерильным, свежим. Кровать —

удобная, не та адская конструкция с пружинами, которые впиваются в спину, как в обычных больницах.

Вокруг тихо мерцали мониторы, датчики отслеживали каждый мой вдох, каждый удар сердца.

Свет был мягкий, холодноватый, встроенный прямо в потолок — ровные линии подсветки тянулись по периметру, не оставляя ни теней, ни мрачных углов. Никаких мерцающих ламп и жёлтого больничного полумрака — здесь всё было выверено и спокойно, почти стерильно красиво.

Стены — гладкие, серо-графитовые, без рисунков, без трещин, без следов времени. Казалось, их протирают не тряпками, а воздухом. Пол — матовый, чистый до зеркального отражения, без скрипа и запахов, которые обычно выдают больницы.

Кровать — современная, функциональная, с аккуратными металлическими элементами и мягким изголовьем. Не громоздкая, не скрипучая, а удобная, почти домашняя, с белоснежным постельным бельём, натянутым идеально ровно, без единой складки.

Рядом — стойка с капельницей, прозрачная, будто невесомая. Тонкая трубка уходила вниз, не нарушая общего ощущения порядка. Чуть дальше — медицинские мониторы: экраны с мягким голубоватым светом, датчики, аккуратно закреплённые, работающие почти бесшумно. Они не пугали — скорее наблюдали, спокойно и внимательно.

Мебели было немного: тумбочка, компактный столик, всё

в одном стиле — строгом, минималистичном, без лишних деталей. Даже воздух казался другим — прохладным, чистым, без привычного больничного запаха лекарств.

Эта палата не давила.

Она будто говорила: здесь безопасно.

— Бабушка — вырвалось у меня вслух, резко и громко.

Паника накатила мгновенно. Я дёрнулась, пытаюсь приподняться, но в этот момент дверь палаты открылась.

Вошла девушка в белом халате.

Красивая. Блондинка. Кукольная внешность, ухоженная, спокойная. На бейдже аккуратными буквами:

«Врач-терапевт Агния Роуз».

— Здравствуйте, — мягко сказала она, прикрывая за собой дверь. — Я ваш лечащий врач. Можно просто Агния.

— Здравствуйте — я сглотнула. — Как я тут оказалась? И где мой телефон?

Она села рядом, закинув ногу на ногу — жест уверенный, профессиональный. Не суетилась, не нервничала.

— Тебя привезли вчера вечером, — начала она ровным тоном. — Ты была ранена. Плюс мы диагностировали грипп.

Сердце ёкнуло.

— Ранена?..

— А телефон, — Агния взяла ручку и кивнула в сторону тумбочки.

Я повернула голову.

Там действительно лежал мой телефон. Экран треснут,

корпус поцарапанный — живой, но явно переживший не лучшие времена.

Я снова посмотрела на врача, чувствуя, как внутри поднимается тревога. Что именно со мной произошло — я всё ещё не помнила.

И тут я поняла, что ничего не помню. Будто память отшибло.

Амнезия?

— Что последнее ты помнишь? — Агния уже держала блокнот наготове, будто собиралась ловить каждое мое слово.

Я нахмурилась, уставившись в одну точку. В голове — гулкая пустота, липкая и неприятная.

— Я шла к соседке, — медленно начала я, проверяя каждое слово на ощупь. — За бабушкой. Помню подъезд, лестницу и всё. Дальше — пусто. Черный квадрат Малевича.

Агния чуть склонила голову, не отрывая от меня взгляда, и сделала несколько пометок.

— Хорошо. А дату сегодня ты знаешь?

— Нет, — честно ответила я.

— Месяц? Год?

Я покачала головой.

— Ладно, — спокойно сказала она. — А как тебя зовут, ты помнишь?

— Алиса. Это я знаю точно.

Её губы едва заметно дрогнули — то ли улыбка, то ли про-

фессиональное удовлетворение.

— Сколько тебе лет?

— Тридцать, — после паузы призналась я.

— Есть ли у тебя хронические заболевания? — продолжила она, уже не поднимая глаз от записей.

— Если и есть, то я о них не знаю.

— Аллергии? Лекарства?

— Тоже пусто.

Агния на секунду замерла, затем подняла взгляд.

— Голова болит? Тошнота? Головокружение?

— Нет. Странно, но нет.

— Видение? Двоение? Шум в ушах?

— Нет.

Она задумчиво прикусила кончик ручки.

— Ты понимаешь, где находишься?

Я огляделась по сторонам.

— В больнице. Судя по всему — в очень хорошей.

Агния хмыкнула, делая ещё одну запись.

— Хорошо. Значит, ориентация в пространстве сохранена. А вот события перед травмой — нет.

Она отложила блокнот и посмотрела на меня уже не как врач, а почти по-человечески.

— Не пугайся раньше времени, Алиса. Такое бывает. Память может вернуться внезапно. Или постепенно. А иногда — она сделала паузу, — ей просто нужно немного помочь.

От этих слов мне почему-то стало не по себе.

Будто речь шла не только о памяти.

— Тебе сбили температуру, — добавила она, снова скользнув взглядом по записям. — Все необходимые препараты ввели внутривенно, — кивнула на капельницу. — Сейчас тебе нужен покой. Чуть позже будет обход главного врача, он тоже с тобой поговорит. Раны обработаны и перевязаны. Ничего серьёзного, не паникуй.

— А — я сглотнула, — в какой я больнице?

Она подняла на меня взгляд, будто это самый обычный вопрос на свете.

— Больница MMED.

— Стоп, что?! — я резко приподнялась на подушках. — Это же платная клиника! Тут цены — я запнулась, — тут космос, а не цены. Почему сюда? Почему не в обычную? У меня нет таких денег, чтобы тут лежать!

Агния едва заметно улыбнулась. Спокойно. Слишком спокойно.

— Это была ближайшая больница на момент потери тобой сознания. Бригаду вызвал мужчина, который был с тобой, — она сделала паузу и, уже вставая со стула, добавила: — И не переживай. Он всё оплатил.

И подмигнула.

Ого

Дверь за ней тихо закрылась, а я осталась лежать, глядя в потолок, будто он мог мне что-то объяснить.

Мужчина? Какой мужчина? И почему он платит за меня

такие деньги?

Не раздумывая, я схватила телефон. Экран мигнул, загрузился — и сердце ухнуло вниз. Пропущенные. Много. От бабушки.

Пальцы дрогнули, когда я нажала «вызов».

Гудок.

Второй.

Я затаила дыхание, будто от этого зависело всё.

Глава 11.

Макс.

Я доел ещё горячий завтрак, залил в себя кофе почти залпом и вернулся в спальню. Распахнул шкаф и, не раздумывая, достал привычный рабочий комплект. Я давно привык передвигаться по клинике в официальном — редко позволяю себе что-то другое.

Чёрные брюки, белая рубашка-поло. Ничего лишнего.

Тёплое пальто, зимние ботинки, пара пшиков любимого парфюма — и я был готов. Любимая работа ждала. Да, именно любимая. Без сарказма.

Вот только чувство тревоги не отпускало. Оно сидело где-то под рёбрами, тянуло неприятной нитью. Не знаю, связано ли это с письмом Яна или с чем-то ещё, но интуиция настойчиво шептала: день будет непростой.

Я завёл машину и покинул территорию дома.

В клинике всё было, как всегда. Привычно. Спокойно. Отлажено до мелочей.

— Доброе утро, — улыбнулась девушка с регистратуры.

— Доброе, — кивнул я, не сбавляя шага.

И вот тут

В коридоре я уловил запах.

Незнакомый. И одновременно до мурашек родной.

Я резко остановился.

Это был не просто аромат духов — свежий, лёгкий, едва уловимый. Под ним скрывался другой слой. Запах тела. Настоящий. Живой. У каждого он свой, и чаще всего — отгаливающий. Но не этот.

Чёрт возьми

Это было самое вкусное, что я чувствовал за долгое время.

Я медленно повернулся в сторону источника и посмотрел на дверь в конце коридора. Запах был тонкий, почти на грани восприятия, но невероятно манящий.

Мой зверь внутри насторожился, поднял голову и потянулся к нему.

Подойди. Найди. Посмотри.

— Макс, — ко мне подошёл врач клиники. — Доброе утро.

Мы пожали друг другу руки.

— Привет, — я кивнул в сторону той самой двери. — А кто там?

— Вот об этом я тебе и хотел доложить.

Мы прошли в мой кабинет. Я привычно накинул белый халат, ощущая, как он возвращает контроль и холодную собранность.

— Ночью поступила девушка, — Сайман сел на диван.

В этот момент дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула Агния — ещё один сильный врач моей клиники.

— А вот и ты, — улыбнулся Сайман. — Я как раз про твою пациентку рассказываю.

— Эй, — возмутилась она, проходя внутрь. — Я вообще-то сама хотела.

— Расскажи уже кто-нибудь, — раздражённо рыкнул я. Терпение трещало по швам.

— Девушка, тридцать лет, — начала Агния, присаживаясь. — На момент поступления — активная стадия гриппа. Высокая температура, сильная интоксикация. Но привезли её не поэтому.

Они с Сайманом переглянулись.

Я напрягся.

— На неё напал охотник.

— ЧТО!?! — зарычал я, даже не пытаясь сдержаться. — Она знает о нас?! С какого чёрта она вообще понадобилась охотникам?!

— Вызов сделал медведь, — добавил Сайман. — Девушка стала случайным свидетелем его столкновения с охотниками. Видела обращение. Была ранена.

— Блять — выдохнул я, проводя рукой по лицу. — И что она говорит?

— Вот в том-то и дело, — пожала плечами Агния. — Ничего. Полная амнезия. По чуйке скажу — не врёт. Это не игра.

Она сделала паузу.

— Но, если так возвращение памяти — лишь вопрос времени. Сотрясения нет. Чистый стресс.

Запах снова всплыл в сознании.

И теперь я точно знал — эта девушка уже изменила мой день.

И, возможно, всю жизнь.

Я ещё пару секунд смотрел на Агнию и Саймана, словно взвешивая решение.

— Держите меня в курсе её состояния, — сказал я наконец. — Любые изменения. Даже самые незначительные.

— Конечно, — кивнула Агния. — Я сама за ней приглядываю.

— И — я запнулся на долю секунды, — без лишних разговоров. Никому.

— Уже, — ответил Сайман. — Вся информация под замком.

Я молча кивнул, снял халат и повесил его на спинку кресла.

— Где медведь? — спросил я, направляясь к выходу.

— В смотровой, — ответил Сайман. — Травмы поверхностные, но мы настояли на осмотре.

Я вышел из кабинета, и коридор снова накрыл меня запахами больницы. Но тот самый аромат всё ещё витал где-то на грани чувств. Зверь внутри недовольно рыкнул, будто его отвлекли от чего-то важного.

Потом.

Я дошёл до нужной двери и без стука вошёл внутрь.

Мужчина сидел на кушетке. Крупный. Широкие плечи, мощная шея, тяжёлый взгляд. Даже в человеческом облике от него веяло силой — спокойной, уверенной, медвежьей. Он поднял глаза, когда я вошёл, и сразу напрягся.

— Макс, — коротко представился я. — Владелец этой клиники.

Он хмыкнул.

— Знаю, кто ты, — ответил он глухо. — Зовут Рим.

Я прислонился к столу, скрестив руки на груди.

— Ты вызвал скорую.

— Да.

— Ты спас девушку.

— Да.

Между нами повисла пауза. Мы оба понимали: сейчас разговор будет не про медицину.

— Рассказывай, — сказал я спокойно. — С самого начала. Без деталей, если не хочешь. Но честно.

Рим провёл рукой по лицу, будто стирая усталость.

— Я шёл по своим делам, — начал он. — На окраине. Там, где обычно тихо. И почувствовал охотников. Не одного. Нескольких.

Мои пальцы едва заметно сжались.

— Их стало больше в последнее время, — продолжил он. — Слишком смелые. Слишком уверенные.

Он выдохнул.

— Я не успел уйти. Завязалась стычка.

— И она? — спросил я.

— Она появилась внезапно, — Рим нахмурился. — Просто вышла из-за угла. Я понял это слишком поздно.

Зверь внутри меня зарычал — глухо и зло.

— Она увидела, — продолжил он. — Не всё. Но достаточно. Я успел прикрыть её, оттащить, но один из охотников задел. Нож. Ничего смертельного, но крови было много. Она побежала прочь, но ее догнали. Точно не знаю, что случилось с ней. Она грохнулась в сугроб, когда я прибежал и сбил охотника с ног, когда тот наставил на нее пушку. А дальше обращение и ее испуганные глаза. Она отключилась, и я уже начал заниматься ее спасением.

— Ты вызвал скорую сразу?

— Да. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — И остался, пока они не приехали. Я не мог её бросить.

Я медленно кивнул.

— Почему не добил охотников?

Рим усмехнулся криво.

— Потому что они ушли. Как по команде. Будто им было не важно, чем всё закончится.

Вот это мне совсем не понравилось.

— Она просто оказалась не в том месте и не в то время? — уточнил я.

— Да, — твёрдо ответил он. — Обычная человеческая

девушка. Не охотник. Не из наших. Случайность.

Я задержал взгляд на нём чуть дольше, чем требовалось.

— Ты поступил правильно, — сказал я наконец. — Я благодарен тебе.

— Я бы сделал то же самое снова, — ответил Рим. — Даже если бы знал, чем это может закончиться.

Я развернулся к выходу.

— Можешь быть свободен, — бросил через плечо. — Но будь на связи. Если что-то вспомнишь — сразу мне.

— Буду, — кивнул он.

Я вышел из смотровой и на секунду остановился в коридоре. Где-то здесь. За одной из дверей.

Девушка, которая ничего не знает. И уже стоит слишком близко к миру, о котором людям лучше не знать.

И почему-то

Мне совсем не хотелось, чтобы она исчезла из моей жизни так же случайно, как в неё попала.

Глава 12.

Алиса.

— Алиса! Ну наконец-то! Где ты?! Почему не отвечала на звонки?!

Голос бабушки накрыл меня волной привычного тепла. Даже когда она ругалась — в этом всегда было что-то успокаивающее, почти целительное.

— Ба, ты только не переживай, — постаралась я сохранить ровный тон. — Я в больнице.

— Что!? В какой ещё больнице? Что случилось?!

— Да грипп обострился, — соврала я чуть быстрее, чем успела подумать. — В ММЕР. Помнишь, рядом с площадью? Мы там гуляли, ещё торговый центр неподалёку.

На том конце повисла короткая пауза.

— Поняла, — выдохнула она. — Скоро буду.

Гудки.

Я ещё несколько секунд смотрела на потухший экран, чувствуя, как внутри становится спокойнее. Услышать её голос было важно. Родной. Надёжный. Даже если он сопровождается криками.

Я положила телефон на белоснежную тумбу рядом с кро-

вацию и только теперь заметила небольшой кулер с водой у окна. В тот же миг горло стянуло сухостью.

Пить

Сглотнув, я медленно поднялась. Первые шаги дались тяжело — ноги будто налились свинцом, а голова отозвалась лёгким кружением. Я машинально заправила спутанные пряди за уши и осторожно двинулась к окну.

Рядом с кулером стоял стеклянный стакан. Красивый. Идеально чистый. Настолько, что казалось —, его прогнали через посудомойку раза три перед тем, как поставить сюда. Я невольно усмехнулась: в общественных местах я обычно даже не смотрю на посуду, предпочитая одноразовые стаканчики. А тут

Честно, у меня дома не всегда так идеально. Я налила воды и сделала первый глоток.

Чёрт.

Либо я действительно умирала от жажды, либо в этой больнице даже воду умудряются делать божественной.

Тук-тук.

Я вздрогнула и обернулась.

— Входите, — сказала я, поставив стакан на столик.

Но дверь не открывалась. Прошло секунд десять. Может, больше.

— Доктор? Это вы?

Ручка медленно опустилась, и дверь распахнулась.

На пороге стоял мужчина.

Врач.

Высокий, крупный, уверенный в своей силе — не показной, а спокойной, внутренней. Блондин с аккуратно уложенными волосами и настолько правильными чертами лица, что на мгновение я просто зависла.

Ой

А разве такие красивые мужчины вообще существуют?

Он был не из тех «сладких» парней, на которых смотришь и чувствуешь — чего-то не хватает. В нём было всё. Мужественность, сдержанность, опасная притягательность. От него веяло силой так явно, что это ощущалось почти физически.

И глаза

Яркие, изумрудные. Взгляд, который будто видел больше, чем должен.

Он остановился у двери, и на короткое мгновение мне показалось, что мы оба забыли, где находимся.

— Здравствуйте, — первой прервала тишину я.

Мужчина будто «отвис», моргнул и кивнул.

— Доброе утро, — ответил он.

Господи у него даже голос был идеальный. Низкий, с лёгкой хрипотцой, по-настоящему мужской. Такой голос не просто слышат — его ощущают кожей. Он идеально подходил к его внешности, усиливая впечатление.

Он прошёл в палату, не сводя с меня взгляда. Я отметила, как на каждом вдохе его грудь поднимается чуть сильнее,

чем должна. Словно он вдыхал глубже обычного. Будто хотел вобрать в себя весь воздух комнаты или чувствовал запах, который ему нравился, и жадно ловил его.

Я продолжала стоять у стола, опираясь на него ладонью, чтобы не потерять равновесие. Голова всё ещё немного кружилась. Доктор тем временем сел на диван напротив моей кровати, но взгляд не смягчился — внимательный, сосредоточенный.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

От этого взгляда я вдруг почувствовала себя так, словно лежу не в больничной палате, а у него на ладони. Словно он видит меня насквозь. На секунду стало неловко, и я машинально опустила глаза, осматривая себя — в порядке ли одежда.

Да. Я одета.

Вроде бы.

— Средней паршивости, — честно ответила я и сделала шаг в сторону кровати.

И тут комнату качнуло.

Я пошатнулась, но не успела даже испугаться — в следующую секунду он уже был рядом. Сильные руки подхватили меня за талию, не дав упасть.

Слишком близко.

Наши лица оказались на расстоянии дыхания. Он был выше меня почти на две головы, и теперь я особенно остро ощущала это. Тепло его тела, запах — не резкий, не навязчивый,

а глубокий, спокойный. Мужской.

— Как вы так быстро оказались рядом? — почти шёпотом спросила я, не отрывая взгляда от его изумрудных глаз.

Он на мгновение задержал дыхание. Совсем чуть-чуть. А потом ответил так же тихо:

— Привычка, — уголок его губ едва заметно дрогнул. — Врачи должны быть быстрыми особенно когда пациенту нехорошо.

Он аккуратно усадил меня на кровать, но руки убрал не сразу, словно проверяя, устойчиво ли я сижу.

— Голова кружится? — уже более деловым тоном уточнил он. — Тошнота есть? Слабость, потемнение в глазах?

И всё же, несмотря на медицинскую сдержанность, я видела: он всё ещё напряжён. Слишком внимателен. Слишком сосредоточен на мне.

Как будто для него это было больше, чем обычный осмотр.

Он чуть отстранился, но не ушёл далеко — остался напротив, присев на край дивана. Спина ровная, плечи напряжены.

— Посидите минуту, — спокойно сказал он. — Если снова поведёт — сразу скажите.

Я кивнула.

Он взял планшет с тумбочки, но больше смотрел не на экран, а на меня. Будто ответы были важнее любых записей.

— Головокружение постоянное или волнами?

— Волнами, — ответила я.

— Усиливается, когда встаёте?

— Да.

— Тошнота, шум в ушах, «мушки» перед глазами?

— Немного да.

Он отметил что-то в планшете, затем снова поднял взгляд.

— Боль где-нибудь есть? Голова, грудь, живот?

— Нет. Только слабость.

— Температуру до госпитализации мерили?

— Нет но знобило.

Он чуть нахмурился. Совсем незаметно, но я это уловила.

— Аллергии на лекарства есть?

— Нет.

— Хронические заболевания?

— Тоже нет.

Пауза.

Он отложил планшет и чуть подался вперёд, оперев локти на колени.

— Теперь про память, Алиса, — мягче произнёс он. —

Мне важно услышать именно вашу версию.

Его голос стал ниже. Спокойнее. Внимательнее.

— Что последнее вы помните перед тем, как оказались здесь?

Я нахмурилась, пытаюсь ухватиться хоть за что-то.

— Я шла к соседке за бабушкой. Помню подъезд, улицу.

А дальше пусто. Будто кадр обрывается.

Он смотрел не моргая. Слишком внимательно для обыч-

ного врача.

— Ни звуков?

— Нет.

— Запахов?

— Не помню.

— Людей? Разговоры?

— Ничего.

Он чуть сжал челюсть. Быстро. Почти незаметно.

— А после? — продолжил он. — В больнице что-то помните? Машину скорой? Голоса?

Я покачала головой.

— Очнулась уже здесь.

Снова пауза. Он словно взвешивал каждое слово.

— Это не похоже на органическое повреждение, — сказал он скорее себе, чем мне. — Больше на реакцию на сильный стресс.

Он поднялся, сделал шаг ко мне — и я инстинктивно за-таила дыхание.

— Я бы хотел вас послушать, — сказал он, потянувшись к карману халата. — Лёгкие, сердце.

Я кивнула, даже не подумав возразить. Он достал стетоскоп и вдруг замер.

Секунда. Две.

Его взгляд скользнул по мне — слишком пристальный, слишком сосредоточенный. Будто он понял что-то, что ему не понравилось. Или, наоборот, понравилось слишком силь-

но.

Он резко убрал стетоскоп обратно.

— Нет, — коротко сказал он и выпрямился. — Этим займётся Агния.

Я удивлённо моргнула.

— Почему?

Он уже снова надел маску главного врача — холодную, собранную.

— Так будет правильнее, — ответил он спокойно. — Она сейчас зайдёт, всё проверит.

Он сделал шаг к двери, но на мгновение остановился и обернулся.

— Отдыхайте, Алиса. И если вспомните хоть что-то — даже самую мелочь — сразу скажите.

И только когда дверь за ним закрылась, я поняла: он был взволнован.

Очень.

Глава 13.

Макс.

Я вышел из палаты Алисы и только в коридоре понял, что всё это время почти не дышал.

Меня трясло.

Никогда прежде я не испытывал столько чувств одновременно — они накрыли лавиной, сбили с ног, лишили привычного контроля. Радость. Желание. Жгучая, болезненная страсть. И страх — холодный, липкий, цепкий.

Она человек.

Она не знает о нас.

Не помнит.

Я не знал, как она отреагирует, когда память вернётся. Не знал, примет ли правду, не оттолкнёт ли. Но одно я понял окончательно и бесповоротно — отпустить её я уже не смогу.

Это стало ясно в тот самый миг, когда я увидел её. Когда вдохнул её запах — тёплый, живой, сводящий с ума. Так пахнет только истинная.

Моя истинная.

После стольких лет одиночества. После клятв себе, что больше никогда. После холодного, выверенного существова-

ния, где чувства — слабость, а привязанности — роскошь.

Судьба сыграла со мной злую, издевательскую шутку.

Я всегда считал себя человеком науки. Не верил в предначертанность, в мистику, в высшие силы. Но жизнь раз за разом доказывала: есть вещи, которые невозможно просчитать.

— Макс?

Я вздрогнул, когда рядом появилась Агния.

— Ты в порядке?

Она смотрела внимательно, с тревогой. И я прекрасно понимал почему — со стороны я выглядел растерянным. Потерянным. Не собой.

— Пошли ко мне.

Я развернулся и почти рывком направился в свой кабинет. Закрыв за нами дверь, начал метаться по комнате, словно загнанный зверь.

Хотя, если быть честным

Зверь во мне сейчас как раз рвался наружу. Туда, где осталась она.

— Да что с тобой? — Агния нахмурилась, опираясь спиной о дверь.

Я резко остановился.

— Алиса. Пациентка — слова давались тяжело. — Моя истинная пара.

— Что, прости?! — она буквально плюхнулась на диван. — Ты сейчас не шутишь?

Я посмотрел на неё так, что сомнения отпали сами собой.

— По мне видно, что я шучу? — рык сорвался сам. — Я абсолютно серьёзен. Агния, чёрт возьми, я даже послушать её не смог!

Я с силой бросил стетоскоп на стол.

— Понимаешь?! Она — я провёл рукой по волосам. — Такая желанная. Такая красивая. И пахнет вкуснее всего, что я когда-либо чувствовал. Будь она оборотнем, мы бы уже

— Я поняла, — быстро перебила Агния.

Я выдохнул, тяжело, рвано.

— Это невозможно нормально описать. Хоть у меня и огромный словарный запас.

— Так. А почему именно не смог послушать? — прищурилась она.

Я хмыкнул. Нервно.

— Испугался — с губ сорвался короткий смешок. — Если бы она приподняла футболку, если бы я увидел её грудь Нет, я бы не навредил ей. Никогда. Но, Агния, я и так сидел там с каменным стояком.

Несколько секунд тишины — и она внезапно рассмеялась. Звонко, искренне.

— Что смешного? — я рыкнул, недовольно.

— Человек, у которого всегда всё под контролем, потерял его, — улыбнулась она. — И виной тому молодая женщина. Какая ирония.

Я устало опустился в кресло.

— В моей картине мира сейчас всё дико странно и пугающе непонятно. Сплошная девиация.

— Любовь зла, — мягко сказала Агния. — Полюбишь и человека.

— Поэтому ты закончишь осмотр, — сказал я, бросив короткий взгляд на стетоскоп на столе.

— Хорошо, — кивнула Агния, чуть улыбнувшись, но напряжение в её глазах никуда не делось.

— И, — я поднял взгляд и впился им в неё, — переведи её в VIP-палату. Ту самую. На пятом этаже. С видом на Эверест.

Агния заметно напряглась.

— Макс — осторожно начала она. — Та палата самая роскошная и самая дорогая. Ты же знаешь, она забронирована.

Я молчал.

— И ты знаешь кем, — добавила она тише. — Он приедет завтра на обследование.

Я медленно выпрямился.

— Ты слышала приказ? — голос стал ниже, жёстче. — Я сказал: перевести Алису в эту палату. И обеспечить ей уход лучше, чем самому президенту.

Агния открыла рот, но я не дал ей вставить ни слова.

— Ни копейки с неё вы не возьмёте. Поняла? Все расходы — на мне.

— Я тебя не узнаю, Макс — нервно выдохнула она. — Ты годами держал эту палату для ну, ты понимаешь. А теперь

просто отдаёшь её обычной девочке?

— Во-первых, — перебил я, — не девчонке, а девушке. Во-вторых, я неоднократно закрывал счета пациенткам — не делай из меня жмота. И в-третьих, — я шагнул ближе, — напоминаю: Алиса моя истинная пара.

Агния замерла.

— И я дам ей всё лучшее, что у меня есть, — продолжил я уже тише, но от этого не менее опасно. — А у меня есть эта клиника. Лучшее оборудование. Лучшие лекарства. И лучшая палата. — я сделал паузу. — Мне повторить или ты начнёшь выполнять поставленную задачу?

Несколько секунд она молчала, затем опустила взгляд.

— Прости — тихо сказала Агния. — Я сейчас же распоряджусь.

Она развернулась и быстро вышла из кабинета, оставив после себя тишину — густую, напряжённую.

А я остался стоять, глядя в окно. Пятый этаж. Вид на Эверест.

Пусть она просыпается, смотря на вечные горы. Моя истинная заслуживает именно этого.

Внезапно мои размышления оборвал резкий звонок смартфона. Звук показался слишком громким в тишине кабинета. Я нехотя подошёл к столу и взглянул на экран.

Аверин И.

Ну, конечно.

— Алло, — отозвался я, уже догадываясь, к чему всё идёт.

— Макс, здорово. Ты сейчас где?

— В клинике, — сухо ответил я, опускаясь в кресло перед компьютером.

— А никуда не собираешься?

Я раздражённо выдохнул.

— Чего тебе надо? Давай ближе к делу.

Пока Илья что-то формулировал на том конце линии, я включил компьютер. Экран ожил мягким светом, система загрузилась почти мгновенно. Пара кликов — и я уже в базе пациентов.

Имя.

Фотография.

Алиса.

Моя Алиса.

Эта мысль вспыхнула внезапно, почти болезненно. Я уставился на фото из паспорта: спокойный взгляд, собранные волосы, естественная красота без намёка на глянец. Совсем другая, чем в палате — и одновременно та же самая. Сердце неприятно дёрнулось, а зверь внутри отозвался глухим, нетерпеливым рычанием.

— Ника себя неважно чувствует, — наконец сказал Илья.

— Хочу завезти её к тебе. Посмотришь?

— Да, — ответил я слишком быстро, почти не отрывая взгляда от экрана.

Пальцы машинально коснулись тачпада, я увеличил фотографию. Чёрт красивая. Даже на официальном, бездушном

снимке — живая, тёплая, настоящая.

— Спасибо. Будем в течение часа, — добавил Илья.

Связь оборвалась. Я медленно откинулся на спинку кресла, не закрывая карту пациента.

Странное, тянущее чувство разлилось в груди. Я вдруг отчётливо понял: мне нужно снова её увидеть.

Глава 14.

Алиса.

Мне всё-таки удалось немного поспать после его ухода. Хотя «поспать» — громко сказано. Я скорее проваливалась в короткие обрывки сна и тут же выныривала обратно, потому что в голове настойчиво крутился один и тот же образ.

Главный врач.

Макс.

Он никак не хотел уходить из моих мыслей. Его взгляд, голос, то, как он держался — уверенно, спокойно, но при этом будто внутри него что-то кипело.

Я перевернулась на бок и уткнулась лицом в подушку. Можно ли сказать, что я влюбилась?

Глупо. Слишком быстро. Слишком нереально.

Но сердце упрямо стучало иначе, стоило вспомнить его изумрудные глаза.

Я давно одна. Привыкла к тишине в личной жизни, к отсутствию мужских голосов в квартире, к спокойствию без лишних эмоций. И вдруг появляется он — мужчина, который выглядит так, будто сошёл с обложки журнала. Блондин с зелёными глазами — да, внешне он мой идеал.

Но дело было не только в этом. Он зацепил меня чем-то другим. Тем, что не объяснишь подругам фразой «просто красивый». Тем, что ощущается под кожей — тихим электричеством.

— Алиса? — раздался мягкий женский голос.

Я открыла глаза и увидела Агнию. Свет из окна очерчивал её силуэт.

— Да?

— Вас переводят в другую палату. Распоряжение главного врача.

Сердце предательски дрогнуло.

— В какую? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно

Я приподнялась, принимая сидячее положение.

— В самую лучшую, — улыбнулась Агния.

Я окончательно проснулась.

Персонал уже собирал мои вещи — немногочисленные, скромные. Но делали это так аккуратно, будто упаковывали что-то хрупкое и ценное. Даже мой свитер сложили с какой-то особой бережностью.

Я смотрела на всё это и чувствовала странное ощущение. Словно я — не обычная пациентка. Словно вокруг меня происходит что-то большее, чем просто перевод в другую палату.

Макс. Его распоряжение.

И от этой мысли в груди стало теплее, чем должно быть

просто от врачебной заботы.

— А зачем? — не удержалась я.

— Спросите Макса, — с вежливой улыбкой ответила Агния.

Улыбка была идеальной, а вот в голосе проскользнула едва заметная нотка раздражения.

Я пожалала плечами и молча последовала за персоналом. В целом чувствовала себя уже неплохо, но слабость всё ещё тянула мышцы, будто тело только вспоминало, как нормально двигаться.

Мы вошли в просторный лифт. Двери закрылись почти бесшумно, и кабина мягко поплыла вверх. Подъём занял считанные секунды, но мне показалось — дольше. Словно я поднималась не просто на этаж, а в какой-то другой мир.

Когда двери открылись, я невольно замерла.

Передо мной раскинулся длинный, светлый коридор в нежных бежевых оттенках. Пол блестел, будто его только что отполировали. На стенах через каждые несколько метров висели большие экраны с медицинскими роликами — всё стерильно, дорого, продуманно.

Вдоль стен — кожаные диваны цвета топлёного молока, между ними — живые растения в высоких кашпо. И главное — свет. Много света. Панорамные окна пропускали вечернее сияние города.

Это не было похоже на обычное отделение.

— Прошу, проходите, — Агния открыла одну из дверей.

Когда меня перевели в новую палату, я сначала решила, что произошла какая-то ошибка.

Это не было похоже на больницу.

Большие панорамные окна от пола до потолка открывали вид на вечерний город и снежные горы. Небоскрёбы тонули в мягком голубом сумраке, огни уже начинали загораться — как будто кто-то рассыпал по небу горсть золотых искр. Я замерла, буквально забыв сделать шаг.

Слева — аккуратная зона отдыха: светлый диван с подушками, мягкое кресло, круглый столик с мраморной столешницей. Никакого ощущения стерильности. Никакого запаха «медицины». Здесь пахло деревом, свежестью и уютом.

Стены были отделаны тёплыми панелями цвета тёмного ореха. На них — абстрактные картины в спокойных оттенках синего и золота. Свет — мягкий, рассеянный, не режущий глаза. Всё продумано до мелочей.

Даже кровать выглядела иначе. Не как в обычной палате — а как в дорогом отеле. Белоснежное постельное бельё, идеально взбитые подушки, аккуратно сложенный плед в изножье. Рядом — стильная тумба с планшетом, встроенная панель управления, кнопки регулировки положения.

И маленькая кухня в нише стены. Мини-холодильник. Кофемашина. Чаша с фруктами.

Я медленно провела пальцами по поверхности столешницы. Холодный камень. Настоящий.

— Это точно больница?.. — прошептала я сама себе.

Моё отражение в окне казалось немного растерянным. Девушка в длинной белой футболке и носочках посреди пространства, которое явно стоит дороже моей годовой зарплаты.

Почему меня перевели сюда? Мысли сами собой вернулись к нему. Изумрудные глаза. Низкий голос. То, как он смотрел — будто видел больше, чем просто пациентку.

В груди стало странно тепло. И немного тревожно. Эта палата слишком роскошная.

Слишком личная.

И почему-то я чувствовала, что это не случайность.

— Я зайду чуть позже, — сказала Агния и вышла, закрыв дверь.

Я даже не успела ответить.

Когда я осторожно начала осматривать пространство, раздался стук. Сердце предательски подпрыгнуло.

Макс?

— Добрый вечер, — в палату вошла женщина в форме.
— Ваш ужин.

Я чуть не рассмеялась от собственного разочарования. Она поставила поднос на столик. И я замерла. Сочный стейк с овощами. Стакан явно свежавыжатого сока. Чизкейк с ягодной глазурью.

— Приятного аппетита.

Когда она вышла, я ещё секунду смотрела на еду. Потом накинулась, словно не ела неделю. И только на третьем ку-

сочке поняла, насколько я голодна.

Это было невероятно вкусно. Совсем не «больнично».

— Алиска!

Дверь распахнулась так резко, что я едва не подпрыгнула до потолка.

— Ба! — рассмеялась я, когда бабушка уже крепко обнимала меня.

— Как ты? Что случилось? Почему ты молчала? — она отстранилась и начала осматривать меня с ног до головы.

— Всё нормально, — успокаивала я её. — Правда.

Бабушка усадила меня на диван и тут же начала сыпать вопросами. А я я путалась. Сбивалась. Потому что в памяти зияли дыры.

Амнезия звучала красиво. На деле — это паника.

— Я хочу поговорить с врачом, — решительно заявила бабушка.

И словно по заказу, раздался короткий стук.

Дверь открылась.

Моё сердце снова замерло.

Глава 15.

Алиса.

Макс замер, как только увидел бабушку. И, к моему удивлению, она тоже.

Они смотрели друг на друга так, будто между ними пронеслось что-то невидимое — вспышка, искра, воспоминание. Взгляды были напряжёнными, изучающими и слегка настороженными.

— Вы знакомы? — не удержалась я.

— Нет, — слишком быстро ответила бабушка, не сводя глаз с Макса.

Он тоже молчал. Челюсть чуть напряжена. Взгляд холоднее, чем обычно.

— А смотрите друг на друга так, будто знакомы, — хмыкнула я, пытаюсь разрядить странную атмосферу.

— Я зайду позже, — вдруг произнёс Макс и развернулся к двери.

— Я тоже пойду, — неожиданно сказала бабушка.

Макс остановился в проёме.

— Ба, ты только пришла, — удивилась я. — Уже уходишь?

— Да я тут вспомнила мне нужно заскочить в одно место.

Ну да. Конечно. И я — королева Англии. Нужно быть слепой, чтобы не понять: бабушка откровенно лукавит.

— Я приду завтра, — добавила она, быстро чмокнула меня в щёку и буквально вылетела из палаты. Макс закрыл за ней дверь. Плотно. Слишком спокойно.

Я посмотрела на него.

— Что это было?

— Не обращайтесь внимания, — коротко ответил он, словно отмахнулся от чего-то незначительного. — Алиса, как вы себя чувствуете?

— Давай на «ты»? — я села на диван, подтянув ноги под себя.

На его губах появилась лёгкая улыбка.

— Давай. Так как твоё самочувствие?

— Сносно.

— Я пришёл взять у тебя кровь на анализ. Хочу оценить динамику.

— Ладно, — кивнула я, стараясь выглядеть спокойной.

Макс открыл шкаф, достал всё необходимое. Его движения были уверенными, точными. Ни одной лишней эмоции — только профессионализм. Но стоило ему подойти ближе, как воздух вокруг будто стал плотнее.

Он сел напротив.

Бережно взял мою руку.

Тёплые пальцы сомкнулись вокруг запястья. Я невольно затаила дыхание. Он аккуратно положил мою руку на подло-

котник дивана и начал готовить всё для процедуры.

— Впервые, вижу, чтобы главный врач сам брал кровь, — усмехнулась я. — Обычно это делает медсестра.

— Обычно, — тихо ответил он.

В его голосе было что-то ещё. Что-то личное.

Он осторожно протёр кожу спиртом. Прикосновение прохладной ваты отозвалось лёгкой дрожью. Потом игла — аккуратное движение, почти незаметное.

Я моргнула.

И ничего. Ни боли. Ни неприятного ощущения. Я смотрела, как в пробирку медленно наполняется алая кровь, и не могла поверить.

— Вау — выдохнула я.

— Что такое? — он поднял на меня глаза.

— Не больно.

Он замер на секунду. И посмотрел так, что у меня пересохло во рту.

— Я бы не посмел причинить тебе боль.

Сердце гулко ударило в груди. Он сидел слишком близко. Его пальцы всё ещё держали мою руку. Его голос — низкий, спокойный — звучал почти интимно.

— Всё, — мягко сказал он через мгновение.

Макс убрал иглу, приложил стерильную ватку и аккуратно согнул мою руку в локте.

— Посиди так пару минут. Пока кровь не остановится.

Я кивнула, не в силах отвести от него взгляд. Тишина по-

висла между нами — не неловкая, а густая, тягучая.

— Макс — тихо позвала я. — Ты точно не знаком с моей бабушкой?

Он едва заметно напрягся. Совсем чуть-чуть. Но я это увидела. Его взгляд стал внимательнее.

— Точно.

Слишком коротко. Слишком уверенно. И почему-то я поняла — он не сказал всей правды.

Макс.

Когда я вышел из палаты Алисы, мне потребовалось несколько секунд, чтобы просто сделать вдох. Запах её кожи всё ещё держался в лёгких. Тепло её руки — в ладони. Я окончательно убедился: она моя. Моя пара. До конца моих дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.